

Ша Форд «Яд» («Забытый судьбой» - 0,5)

Перевод: Kuromiya Ren

vk.com/kurotranslations

ША ФОРД

ЯД

ЗАБЫТЫЙ СУДЬБОЙ: ПРИКВЕЛ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Оливия

Черная вуаль окутывала Великий лес. Она свисала с деревьев и опадала густыми слоями к голой земле леса.

Проклятия звучали шипением среди кустов, сосны яростно трещали над головой. Компания солдат стояла спиной к спине в почерневшей роще. Изящные голубые щиты были вышиты на их рукавах, их голубые глаза тревожно глядели в прорези железных шлемов.

Тьма яростно воевала со светом факелов солдат. Она давила на края сияния, впивалась в бреши от трепета огня, ночь дразнила их шепотами и стенами.

Еще совсем недавно весь лес был обнят криками и звоном стали. Кровь, что пропитала туники солдат, была теплой, сияла в свете факела. Но теперь кровь высохла. Ярко-красные пятна на их мечах стали черными.

Бой был окончен.

Толстяк прошел в центр группы солдат, они вздрогнули и посмотрели на него.

- Мы отбились, но работа не окончена! – завопил он гулким голосом. – Хороните мертвых, лечите раненых. Оглушенных оттащите в сторону. Вперед!

- Да, лорд Бассет!

Его приказ помог солдатам отвлечься от страха, они спрятали окровавленные мечи в ножны и начали двигаться среди тел, разбросанных по роще.

Многие из них были искореженными трупами маленьких темнокожих людей с костями, украшающими плоть. Они одевались в звериные шкуры. У некоторых на шеях висели человеческие черепа. Их самодельный лагерь был так искусно сплетен среди кустов, что его было едва видно: солдатам приходилось забредать глубже в укрытия, чтобы прогнать из них тени.

Они собрали темнокожие трупы посреди рощи, швыряя их. Некоторыми телами были товарищи солдат, и их отложили, чтобы похоронить.

Но многие солдаты, выглядящие как мертвые, такими не были. Они лежали неподвижно, как трупы, из их грудей и шей торчали маленькие цветные дротики. Они следили за товарищами, но не могли двигаться или говорить.

Бассет склонился перед одним из младших солдат и улыбнулся от паники в его глазах.

- Это немного бандитского яда, не переживай. Ты будешь на ногах завтра к полудню.

Дикий смех заставил Бассета перевести взгляд от юного солдата на край рощи, где в свете звезд мерцала поверхность большого озера.

Фигура мужчины в тени стояла у воды. Он был высоким и худым, свет факела в его руке открывал, что его волосы были подернуты сединой. Хотя его голова была отвернута, было видно уголок сжатых губ, пока он смотрел на существо, сжатое в его другой руке.

Это была бандитская женщина. Она свисала с его руки, он держал ее за горло. Ее ноги тщетно раскачивались, ее ногти в панике царапали его запястье. Но, хотя кровь текла из его порезов, он не отпускал.

Бассет скривился от хруста кости и нахмурился, когда тело женщины замерло. Мужчина отбросил ее труп в кусты, словно она весила не больше пустого мешка. Он повернулся с факелом к кустам, и стало видно половину его улыбки.

- Думаю, я нашел кое-что интересное, Бассет, - позвал он.

- Что там, канцлер Тристан? – сказал Бассет, приближаясь.

Тристан не ответил. Он кивнул на кусты, вся сила его зловещей улыбки была направлена на что-то, сжавшееся там.

Маленькая девочка.

Ей было не больше восьми, кожа была загорелой, но не такой темной, как у бандитов. Листья запутались в ее кудрях, что ниспадали спутанными волнами золотого и

каштанового цвета. Ее платье было из звериных шкур, а изящные крючки из кости украшали ее уши.

Бассет склонился ближе, но она прятала лицо в руках. Ее колени были прижаты к груди. В одной из ладошек она сжимала букетик цветов.

Хотя она не двигалась, из-за ее рук слышались тихие всхлипы. Морщины испещрили лицо Бассета от звука ее всхлипов, его толстые руки сжались в кулаки.

- Что она такое, канцлер?

- Я успел посмотреть на ее глаза. Думаю, она может быть из наших, - сказал ровно Тристан. Он провел факелом над кустами, но девочка не дрогнула. – И я подумал, раз леди Бассет так переживала из-за того, что не может родить детей, то вы могли бы взять ее. Или сожжем ее с остальными, и никто не поймет по обгоревшим останкам, отличалась ли она. Морям не нужна сиротка...

- Я беру ее, - твердо сказал Бассет.

Тристан пожал плечами.

- Хорошо. Проследите, чтобы она не мешалась, ладно?

- Да, канцлер.

Тристан ушел, и Бассет повернулся к девочке. Он опустился на колени перед ней, попытался приблизиться. Через миг он опустил толстую ладонь на ее голову.

Она тут же перестала плакать.

- Как тебя зовут, дитя? – прошептал он.

Она медленно подняла голову. Ее лицо было грязным от жизни в лесу. Дорожки от слез было четко видно среди грязи. Ее глаза были налиты кровью, все еще мокрые от ее печали. Но среди красноты белков виднелась голубизна, холодная, как лед.

- Оливия, - сказала она голосом, в котором не было ни следа слез. – Меня зовут Оливия.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Яд

- Ох! Тяжело, - возмутился Карлтон.

Оливия смотрела, как старик пытается поднять мешок размером с человека на плечи, ее кулаки крепко сжались. Ворчание Карлтона невероятно раздражало ее. Она бы хотела отогнать его и сделать все сама, но не должна была. Эта работа была простой для конюха.

Может, Карлтон не соответствовал ожиданиям.

- Хватит поднимать руками. Поддень ногами, - прошипела она.

Карлтон заерзal под мешком. Новые проклятия посыпались с его губ, пока он пытался поднять мешок в телегу. И когда уже казалось, что у него получится, содержимое мешка подвинулось.

И все рухнуло через его плечо с гулким стуком на землю.

- Из всех гадких приливов... ай! – Карлтон вздрогнул, когда Оливия ударила его по щетине. Его тусклые голубые глаза расширились от ее злого взгляда. – Я... я стараюсь, миледи. Честно!

- Старайся лучше, - прошипела Оливия, - или я скажу лорду, что случилось со старыми конюшнями.

Красный след появился там, где она ударила его, но остальная кожа Карлтона стала мертвенно-бледной. Он пошатнулся от силы ее взгляда, бормоча смесь извинений и проклятий, пока уходил.

Этот секрет она держала при себе несколько долгих лет. Старый конюх был пьяницей. Он хорошо это скрывал, пил по несколько бутылок по ночам, когда его услуги не требовались. Но одним вечером, когда разгулялась буря, после пары бутылок хорошего ликера лорда Бассета Карлтон случайно сбил с крючка одну из ламп в конюшне.

Огонь быстро распространился по сену и поглотил потрепанные погодой двери. Пламя забралось на соломенную крышу, балки обвалились, раздавив всех дорогих коней лорда Бассета пылающими обломками.

Карлтон, конечно, смог сбежать. Запах жженой плоти перекрыл запах ликера, дым объяснил красноту глаз. Когда он заявил, что конюшня загорелась от удара молнии, лорд Бассет поверил ему... но Оливия знала правду.

Она все видела. Но не потушила огонь, а воспользовалась шансом заполучить верного слугу. Она не говорила лорду Бассету правду о старых конюшнях, пока Карлтон молчал и делал, как она приказывала.

С того случая прошли годы. Оливия уже была не ребенком, а молодой женщиной восемнадцати лет. Теперь она расхаживала по новым конюшням, и за ней следили звери лорда Бассета.

Их жаркое дыхание вырывалось из ноздрей, их гривы взлетали над мускулистыми шеями, и они отходили в глубины загонов. Карлтон мог не знать, что в мешке... но лошади знали.

- Скорее, - рявкнула она.

Карлтон снова сгорбился под мешком. Он толкал, казалось, всем, даже шеей. Его выдохи были приглушенными, он уткнулся лицом в мешок, пытаясь добавить силу раздавленного носа к толчкам.

Если Оливия смотрела бы еще минуту на его жалкие попытки, она оттолкнула бы его. Вместо этого она прошла к дверям конюшни и хмуро посмотрела на дорогу.

Лорд Бассет правил на Зеленокрови, большом острове на юго-западе от замка канцлера, окруженного маленькими островами с деревушками. Его порты были полезными остановками между пустыней Белокостью и Высокими морями: узкий и опасный путь в океане среди островов идеально защищал от пиратов. Позолоченные корабли канцлера часто отдыхали в безопасности Зеленокрови, пока лорд Бассет рассеивал богатства среди нескольких кораблей поменьше.

Поместье Бассет было в половине мили от конюшнен, возвышалось на небольшом холме. Все окна трех этажей сияли желтым. Их гостей не впускали в половину комнат, но лорд Бассет настаивал, чтобы камини горели.

Черные силуэты толпы людей двигались по нижнему этажу, их тела кружились под мелодию скрипки. Лорд Бассет однажды сказал ей, что народ Высоких морей любил танцевать почти так же сильно, как любил торговать, и пока Оливия росла, она поняла, что они наслаждались хитростью и обманом.

Сделка и танец были схожи во лжи, в обоих случаях давались обещания, которые не исполнялись. Двое не уходили после сделки довольными, как и после танца. Вместо этого они были голодными, истерзанными потерями и неутоленными желаниями.

Хотя порой танец заканчивался хуже, чем компромиссом. Порой немного удовлетворения достигалось, но только одной стороной.

Оливия переместила вес на другую ногу и скривилась, ее мышцы натянулись на пострадавшей части ее попы. И почему мужчинам всегда нужно глупо хвататься? Они думали, что умно танцем прикрывать блуждания рук?

Ее последний партнер по танцу набрался смелости сделать ей предложение, при этом сжимая ее попу. Но она не приказала ему остановиться, а надела маску: холодную улыбку, которую выдавливала из себя, когда мужчины неловко пытались завоевать ее, а еще изгиб шеи приковывал к себе их взгляды.

Она уже знала, что с мужчинами было проще иметь дело, когда они были... отвлечены.

- Это... слишком тяжело, миледи! – пропыхтел Карлтон, его ноги дрожали под мешком. – Моя спина не разогнется...

- Подними мешок, или я тебя повешу, – прорычала Оливия. – Когда из тебя будут вытекать остатки жизни, я упрошу лорда Бассета подвесить твой труп коровам, и они будут пировать, бесполезный...

Хруст шагов за спиной заставил Оливию повернуться к двери. Она вышла, словно подумала о другом, и направилась к фигуре в тенях, движущейся к конюшням.

- Лорд Бассет! О, вы меня напугали, – охнула она, он поймал ее за локти.

Борода лорда Бассета была расчесана и завивалась в стороны, словно кошачьи усы. У него были ладони медведя, он легко помог ей встать.

- Держись, милая, – рассмеялся он, поддерживая ее. – Я не хотел напугать тебя, но тебя уже начали искать. Другие лорды спрашивают, где же моя подопечная. Не думаю, что я смогу их сдерживать и дальше.

Она знала, что у нее было лишь несколько минут на себя, а потом лорд Бассет пришел бы за ней. Он редко выпускал ее из виду, стал опекать ее еще больше, когда она подросла. Теперь он преследовал ее как тень всюду, куда она шла, и такое внимание почти удушало.

И хотя она хотела закричать, чтобы он оставил ее в покое, Оливия заставляла себя сохранять спокойствие. Она осторожно коснулась локонов, улыбаясь, чтобы не показать волнение.

Она слышала, как Карлтон тихо ворчит в конюшнях.

- Вы же знаете, как на меня действует жара, милорд, особенно в тяжелых платьях. Я вышла подышать воздухом. Еще один танец, – взмолилась она, когда лорд Бассет поднял кустистые брови, - и я вернусь.

Он беспомощно улыбнулся под ее взглядом.

- О, хорошо...

Бам.

Оливия едва слышно выругалась, лорд Бассет прошел и заглянул в конюшню.

- Карлтон? Что у тебя в этом мешке?

- Ах... о... ох, это просто мешок кожи, которую вы хотели послать в деревню, милорд. Я думал, будет проще забросить ее мешком, чем оставить грудой в телеге, ведь ветер ее растрепал бы. Но от этого мешок ужасно тяжелый.

- Так попроси кого-нибудь помочь тебе поднять его, - лорд Бассет хмурился.

- Айе, милорд.

Лорд Бассет отвернулся от конюшни, бормоча под нос и качая головой. Он прошел несколько шагов мимо Оливии и вдруг обернулся.

- Ты не видела тут Хортона?

- Лорда Хортона? Нет, не думаю.

- Я спросил, потому что одна из дам упомянула, что видела, как вы ушли вместе после танца.

Оливия склонила голову.

- Он вывел меня на воздух, милорд, а сам хотел вернуться на корабль, полагаю. Я показала ему путь, и он оставил меня.

Лорд Бассет медленно кивнул.

- Да, думаю, для него было удивительно побывать на берегу после стольких лет, которые он прятался в море. Я сообщу Тристану. Он просил о танце с тобой. Тебя это должно радовать, - добавил лорд Бассет с улыбкой. – Тристан редко танцует.

«И когда танцует, пытает этим меня», - подумала Оливия, провожая лорда Бассета взглядом. Как только он отошел подальше, она бросилась в конюшню.

- Чем ты вообще думал, глупый, бесполезный...?

- Он двигался, миледи! – охнул Карлтон, отшатнувшись. – Я бы его не уронил, честно! Но мешок... пошевелился...

Кожа под его щетиной стала белой, как пена волн, Оливия подошла к мешку. Он начал двигаться... и стонать. Она бормотала проклятия под нос, пока развязывала мешок.

Парализованное лицо мужчины смотрело на нее. Его глаза были большими, его рот застыл раскрытым. Его грудь медленно вздымалась, легкие наполнял воздух. На его языке были белые волдыри, такие же были в ушах. Его мольбы вылетали из опухших покрасневших губ неразборчивым стоном.

Но он все же был в лучшем состоянии, чем мужчина до него.

В прошлый раз она создала парализующую смесь со спорами корней нароста – плесени, что росла во влажных пещерах Зеленокрови. Она проверила смесь на каком-то торговце из Харборвилля, вроде бы Эдвардса. Сложнее всего было уговорить его выпить отравленный ликер. Она думала, что после этого будет лишь наблюдать, как споры поражают его легкие.

К сожалению, они не зашли так далеко. Споры раздулись в его горле и лопнули. Оливия не успела рассмотреть, он вывалился из окна в бушующие волны.

Когда Эдвардса прибило к берегу, от него осталось мало, иначе у кого-то возникли бы вопросы, откуда колония грибов появилась в его глотке

В этот раз Оливия сделала парализующую смесь из ядовитого плюща, и она, похоже, работала неплохо. Она невольно улыбнулась, увидев много маленьких гнойников на лице жертвы. Волдыри появились только на чувствительных участках кожи, но это уже было началом.

- Лорд Хортон? – прошептал Карлтон, потрясенно глядя на парализованного мужчину. Кожа за его щетиной стала еще бледнее. – Но, м-миледи, нельзя травить лордов. Кто-то заметит...

- Не указывай, что мне нельзя делать, конюх, - рявкнула Оливия. Она опустилась, чтобы рассмотреть свою работу.

Было сложно уговорить Хортона прибыть на сушу. Он, как все знали, оставался на корабле, не ступал на землю дольше всех, кого помнили. Но силы Оливии были больше решимости любого мужчины.

Улыбка, прикосновение, изящно сплетенные намеки из слов, и Хортон пошел за ней на бал. Пара танцев, и он уже молил ее выйти за него замуж. Она предложила ему выпить, пока обдумывала предложение, нетерпеливо глядя, как он осушает кубок...

А потом спросила, не хочет ли он посмотреть на новую конюшню.

- Дай свой плащ, Карлтон.

- Вам холодно, миледи? – сказал он, снимая с себя плащ.

Она укутала свои плечи и плотно застегнула пуговицы.

- Нет, мне не холодно... Я просто не хочу запачкать платье. Держи его рот закрытым.

Глаза Хортона расширились, она села на колени рядом с ним. Он стонал в пальцы Карлотона, молил пощадить его. Но Оливия его не слушала.

Нечто ужасное и сильное бушевало в ее венах. От этого все в ней дрожало, словно под ее плотью было еще одно существо. Кровь шипела в ее ушах, пока она доставала маленький кинжал из-под воротника платья.

Это было невероятное чудо, пьянящее сильнее напитка, дикость, которой она не могла управлять. Это была часть ее духа, которую не покорить, женщина, любившая вкус крови... и вызывающая страх даже у чудовищ.

Она звала это Ядом.

- Не бойтесь, лорд Хортон. Обещаю, будет быстро, - Оливия прижала кинжал к его горлу и оскалилась от стона Яда. – О, и насчет вашего предложения... Боюсь, мой ответ – нет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Наказание

- Ты сама это сделала? – пробормотал Тристан, пока они кружились по комнате. Он прижимал Оливию к своей груди и медленно поворачивался, двигаясь под неспешную мелодию скрипки. – Ты знаешь, как я терпеть не могу, когда ты используешь кинжал.

- Выбора не было. Он просыпался, - тихо сказала Оливия.

Тристан цокнул языком по зубам.

- Я очень разочарован тобой... и ты знаешь, как я не люблю это чувство.

Она старалась сохранять лицо бесстрастным, пока они сжимал ее талию. Он впился в ее плоть большим и указательным пальцем и выкручивал, заставляя кожу пылать. Каждый раз боль поднималась до точки онемения, и Тристан выкручивал снова. Холодные глубины его взгляда теплели от темного веселья, пока он смотрел, как ее маска сменяется гримасой. Он улыбнулся, когда она скрипнула зубами.

И хотя он доводил ее почти до потери сознания, Оливия никогда не плакала. Он заставил ее плакать лишь один раз, и с тех пор решимость пылала сильнее боли.

Тристан перестал за миг до того, как пошла бы кровь. Он всегда старался не оставлять следов, и никому не пошло бы на пользу ярко-красное пятно на ее платье.

- Ты хорошо терпишь наказания, Оливия.

Она смотрела поверх его плеча, а он быстро закружил ее.

Тристану было всего двадцать, когда совет избрал его канцлером, что сделало его самым юным канцлером за историю Высоких морей. Он провел годы в офисе, играл в политику и голосования, старался взять под контроль как можно больше территории морей. Теперь он был почти в три раза старше Оливии, и Тристан еще и дольше всех в истории пробыл канцлером, но редко красовался этим.

А потом раскрыл секрет Оливии.

Яд недовольно забурлил от давних воспоминаний. Он утопил все мелочи, и она могла вспомнить лишь одно: единственный миг, поток слез, который смыл девочку и оставил на ее месте холодную оболочку.

Она так долго ждала, чтобы опробовать на Тристане. Она годами пыталась воссоздать парализующий яд, используя растения, найденные на Зеленокрови, месяцами проверяла на нескольких не подозревающих слугах. Когда яд был готов, она упросила лорда Бассета взять ее на следующее собрание в крепости канцлера.

Как только она оказалась наедине с ним, она бросилась на Тристана с отравленным кинжалом.

Но это не сработало. Он был слишком сильным. Она помнила, как он смеялся, как сияли его глаза, как он сжимал ладони, ощущая только покалывание онемения. Он повалил ее на землю и надавил пяткой. Он давил так, что ее ребра трещали под его сапогом. И он поклялся, что если она не будет делать, как он скажет, он уговорит совет повесить ее.

И Оливии пришлось с тех пор следовать его указаниям. Она убеждала торговцев, которых нельзя было купить, убивала лордов, до которых никто не мог добраться. Совет набрался власти за последний год... и все это время Тристан старался держать ее под каблуком.

Оливия перестала ощущать тело, когда Тристан склонил ее. Она была невесомой в его руках, словно ее тело было не важнее перьев. Может, для него так и было.

- Ты хоть все подчистила?

Она хмуро посмотрела ему в глаза.

- Карлтон сбросил тело с утеса. Собак я пустила к пятнам, они уже должны были все вылизать дочиста.

- Грязно, - пробормотал Тристан, поднимая ее. – Тебе нужно найти слугу получше.

- Если не нравится, как я все делаю, делайте это сами. Или переживаете, что кровь появится на ваших манжетах?

Тристан ухмыльнулся. Они отлично знали, на что он был способен. И хотя его волосы уже тронула седина, он все еще мог одолеть любого мужчину в Зеленокрови этой ночью. Тристан был не таким, каким казался.

Он был шептуном: из тех людей, что были одарены невероятной силой разума. Оливия видела, как шептуны, названные мастерами, создавали все, что могли представить. Клан мастеров в Коппердоке делал лучшие корабли в морях, и их корабли не тонули в бурю, не разбивались о камни, а были ловкими, как живые существа, скользящие по волнам.

Она слышала о шептунах, что могли исцелять раны, используя только свои руки, но их дар был таким редким, что король Банагер держал всех целителей-шептунов взаперти в крепости Средин.

Тристан был из третьего вида шептунов, одаренных для боя... и таких было почти невозможно убить.

- Уже близко, Оливия... с каждым днем все ближе, - сказал он, сжимая ее ладонь. Он повел ее сквозь толпу, минуя кружавшихся в танце людей с такой силой и легкостью, что в один миг ноги Оливии оторвались от пола. – Сын ХORTона – идиот. Скоро совет или получит его флот, или потопит его. Так или иначе, мы победим.

«Ты победишь», - подумала Оливия.

Тристан хотел больше власти. Он хотел забрать все флоты и торговые связи из рук лордов и отдать их совету, чтобы оставить крупный след в истории или по какой-то другой глупой причине, которая беспокоила бы мужчину его возраста.

Оливия хотела лишь проверить свои формулы... и, может, однажды обнаружить, как опустить Тристана на колени.

Наконец, танец закончился, и бальный зал взорвался аплодисментами. Музыканты поклонились и заняли свои места, и лорд Бассет встал во главе стола, прижимая к себе хрупкую женщину.

Взгляд женщины неспешно скользил по комнате, ее губы изогнулись в улыбке, что была такой же хрупкой, как ее тело. Она была укутана в тяжелую меховую шаль. Ее тонкие пальцы были крепко прижаты к ее груди, она кивала лордам и торговцам в зале.

- Хочу поблагодарить всех вас за то, что празднуете этим вечером с нами, - сказал лорд Бассет, его голос гудел поверх толпы. – Знаю, остров Зеленокровь далеко для многих из вас, но мы ценим общество дорогих нам друзей. А, поскольку леди Бассет не могла путешествовать эти месяцы, - он улыбнулся хрупкой женщине рядом с собой, - она обрадовалась, когда вы согласились прибыть к нам. Мы с женой насладились двадцатью пятью годами счастья вместе, впереди еще двадцать пять!

- За еще двадцать пять! – завопили гости. Те, у кого в руках были напитки, высоко подняли кубки. Остальные хлопали от души.

Оливия попыталась использовать отвлечение, чтобы ускользнуть от Тристана.

Он поймал ее за руку, не оглядываясь.

- У меня есть еще задание для тебя, мой питомец.

Он вытащил свиток пергамента из кармана камзола, и свиток этот был не больше мизинца Оливии. Она хотела вырвать бумагу из его руки и порвать на клочки, но не из-за слов на ней, а из-за того, как свиток был завязан. Тристан повязал на свиток шнурок, который заплел плотным бантиком.

Бант был оскорблением, изящные бантики на смертных приговорах без слов напоминали ей, что она принадлежала ему.

- Я несколько месяцев вел переговоры с торговцем из Великого леса. У него большой караван, и я хотел бы, чтобы он перевозил свои товары на кораблях совета, конечно, за небольшую плату. Но все идет не так хорошо, - сказал Тристан, пряча свиток за воротник ее платья. Он сунул свиток рядом с кинжалом, они оба знали, что он скрывался между ее

грудями. – Его зовут Гаррон. Другие торговцы прозвали его Хитрым, и на то, к сожалению, есть причина.

- Мне не нужны детали, канцлер, - сказала Оливия, сохраняя голос ровным, хотя рука Тристана задержалась на ее груди. – Раз вы не запугали Гаррона и не смогли заставить его подписать контракт, вы хотите, чтобы я убила его, чтобы его глупая жена или избалованные дети получили власть...

- Скорее, это его толстый повар.

Оливии показалось, что она услышала.

- Его повар унаследует дела? Это ошибка.

- Я тоже так подумал, так что заставил информантов проверить дважды. Но, боюсь, это так. Его родителей убили, у него нет братьев или сестер, нет жены или детей. Гаррон Хитрый – один из немногих людей в Королевстве, которых можно назвать одинокими, - пальцы Тристана быстро скользнули от ее воротника к подбородку. Он ухмыльнулся и прошептал. – Почему бы тебе не спасти его от страданий, питомец? Это было бы добрым поступком.

* * *

- Благодарю, милая Оливия. Вряд ли я смогла бы все сделать без твоей помощи.

Тонкие пальцы леди Бассет неприятно впивались в ее руку, но Оливия едва замечал: ее разум думал о темном.

Она помогла леди Бассет подняться на второй этаж. Под ними продолжался бал. Многие гости собирались танцевать до рассвета, стараясь выпить как можно больше рома лорда Бассета.

Его напитки были истинной причиной, по которой другие лорды и торговцы согласились прибыть к Зеленокровью: хотя он отчаянно пытался скрыть это, не было секретом, что напитки лорда Бассета были среди самых лучших в морях.

Они были закупоренным в бутылках идеалом, сладкой смесью ярких фруктов острова, поддавшихся давлению и отдыху во тьме. Как ни старался Тристан купить их, но лорд Бассет отказывался продавать ром, настаивая, что он был любителем. Так что насладиться вкусом его напитков могли только гости.

Оливия спросила как-то раз, как это делается, и лорд Бассет даже показал ей... но она использовала методы брожения, о которых узнала, для совсем других целей.

Леди Бассет опиралась телом на Оливию, они замерли на площадке между пролетами лестницы. Ее грудь слабо вздыхала. Дыхание клокотало в легких, звучало так, словно сапоги шагали по гравию.

- Спасибо... милая. Спасибо...

- Поберегите дыхание, миледи. Нам нужно подняться на следующий этаж.

Леди Бассет кивнула, хватая ртом воздух. Через пару долгих мгновений она перевела дыхание.

- Нашему советнику ты нравишься. Мама такое замечает, - добавила она с тенью улыбки.

«Ты мне не мать», - подумала Оливия, но заставила себя улыбнуться в ответ.

- Вы так думаете?

- О, да. Он танцует с тобой так, как лорд Бассет раньше танцевал со мной. Ты умная, Оливия. Я знаю, что ты это видишь, - сказала она, снова улыбнувшись. А потом вздохнула, глядя на лестницу. – Поднимемся еще выше?

Они были почти у двери комнаты, когда леди Бассет закашлялась. Ее ладонь дрожала, она спешно прижала платок к губам. Когда она убирала его, красные точки покрывали ткань. Она пыталась скрыть кровь, но Оливия увидела.

Пару месяцев назад леди Бассет с легкостью летала по коридорам и лестницам. Она занималась делами поместья Зеленокровь с зорким взглядом и железной хваткой. Оливия едва могла выйти за дверь без замечаний леди Бассет: то она говорила ей надеть плащ от

дождя, то ругала за грязь на подоле платья, то приказывала нарядиться лучше из-за визита канцлера.

И хотя она была рада, что леди Бассет уже не хватало дыхания ругать ее, Оливия не желала ей зла. О, она часто надеялась, что однажды леди Бассет проснется и не сможет говорить, или лорд Бассет так быстро постареет, что не сможет спешить за ней, или их убьют во сне, и они оставят ее в покое.

Но при виде крови на платке леди Бассет Оливия невольно ощутила... жалость к ним. Она надеялась, что не доживет до хрупкого возраста.

- Еще немного, - пробормотала Оливия, открывая дверь комнаты. – Я отправлю кого-нибудь из девушек к вам, чтобы снять платье. А потом принесу чаю...

- Не стоит. Я разберусь, - сказал лорд Бассет за ней. Он поднялся по последним ступенькам, у него в руках был поднос с горячим чайником, чашкой и блюдцем, а еще тарелкой, полной пирожных.

«Конечно», - подумала Оливия. В этом была проблема лорда Бассета: он был навязчивым, все делал по-своему. После того как его жена заболела, он настоял, что сам будет заботиться о ней, часто приносил ей ночью чай. Но он больше вредил, чем помогал.

Если бы он позволил Оливии принести чай, она бы подсыпала немного смеси в напиток, и леди Бассет спала бы спокойнее. Но из-за надоедливости мужа в делах, что не должны были волновать в его статусе, она только страдала по ночам.

Оливия постаралась не зарычать.

- Не стоило, милорд. Я бы с радостью принесла чай сама.

- Ерунда! – фыркнул лорд Бассет, глаза весело сияли над бородой. – Я могу позаботиться о своей жене.

- Спасибо, дорогой, - сказала леди Бассет с улыбкой и повернулась к Оливии. – А тебе нужно вернуться на бал.

- Как пожелаете, миледи. О, - Оливия подняла голову и посмотрела в глаза лорда Бассета, - канцлер Тристан посыпает меня по делу в Великий лес. Я отправлюсь через пару дней и не знаю, сколько там пробуду.

Блеск веселья тут же пропал из его глаз, его брови бросили тень на глаза, сдвинувшись над ними.

- Еще одно дело? Ты же только вернулась с последнего! Должен сказать, Оливия, мне не нравится, что моя подопечная плавает по королевству, связывается с торговцами ради медяков. Это не занятие для юной леди.

- И все же это нужно сделать. Канцлер Тристан говорит, что у меня есть талант к переговорам, и я не могу ему отказать... ведь он всегда вежлив в делах с Зеленокровью, - добавила Оливия, пожав плечами.

Румянец поднимался над бородой лорда Бассета. Он ненавидел, когда она уходила одна. Каждый раз, когда она говорила ему об этом, он бушевал несколько дней, не давал ей покоя до последнего момента. Но после того, как он испортил вечер, она считала, что он это заслужил.

- Мы не можем перечить канцлеру, любимый. Так что смирись с этим, - сказала леди Бассет, проходя за дверь.

Лорд Бассет хмурился еще минуту, а потом сдался.

- Береги себя, хорошо? Я не выдержу, если тебя ранят.

Оливия дождалась, пока он уйдет в комнату леди Бассет, а потом ушла сама. Она не собиралась возвращаться на бал – гости развлекутся и сами. Все были, наконец-то, заняты своими делами, и она могла пару часов посвятить себе.

Она могла лежать и наслаждаться болью Яда...

И, может, планировать, как разберется с этим Гарроном Хитрым.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Просто очередная жертва

Оливия сжимала кулаки, пока карета подпрыгивала на дороге.

Плыть было приятнее, и первая половина путешествия ей понравилась: просыпаться под безграничным голубым небом и под шум волн, засыпать от покачивания на воде. Они даже столкнулись с бурей, и капитан подплыл как можно ближе к бушующим волнам.

Он знал, как Оливия любила наблюдать за штормом. Он даже позволил ей забраться на вышку, чтобы увидеть пугающего сине-черного монстра, бушующего над волнами. Она ощущала силу в воющем дыхании, слышала рев, от которого трепетали легкие. И в этот миг она была свободной.

Но ее счастье пропало так же быстро, как облака над морями. Оливия теперь тряслась на твердой дороге в самой неудобной в Королевстве карете, попав под покров листвы Великого леса.

Чудовищные деревья тянулись за ее окном. Их большие ветви закрывали солнце, и земли под ними была в тени. Хотя Оливии не хватало открытости моря, ее очаровывала мертвая тишина леса.

Это место было старым и терпеливым. Лес хранил столько секретов, что она вряд ли смогла бы все сосчитать. Шли дни, и карета ехала, а она вспоминала, каким естественным ей казался приглушенный воздух, голоса с вершин деревьев. Деревья уже не смотрели на нее безликими великанами, их узлы и кора стали улыбками старых друзей.

Она говорила себе, что это не важно, что Великий лес был ее прошлым, а моря – будущим.

Но почему-то сердце в это не верило.

Мрачным днем карета приехала в деревню Сосновой стражи. Тут обитал Гаррон Хитрый, в плотном скоплении домиков под широко раскинувшимися ветвями деревьев. Хотя деревня внешне не отличалась от тех, что они проехали по пути, люди тут спешили.

Никто не сидел и не ленился. Жители деревни быстро двигались от магазина к магазину, работали, широко улыбаясь, хотя грязные лица были потными. Оливия никогда не видела еще таких бодрых кузнецов или такое чистое крыльцо таверны.

Хота это не должно было удивлять ее: Гаррон, наверное, узнал о ее прибытии, и теперь пытался придать деревушке чистый вид. Наверное, такой части Сосновая стража еще не удостаивалась, чтобы к ним прибыл посыльный канцлера.

Карета остановилась.

- Мы на месте, миледи.

Кучер открыл дверь и отпрянул в сторону. Оливия подобрала юбки и выбралась из кареты, стараясь не шаркать туфлями. Она посмотрела, чтобы поблагодарить встречающих...

Странно. Но никого не было.

Карета остановилась перед двухэтажным большим зданием. Оно было намного проще, чем Оливия ожидала. Она не думала, что стены могут сложиться квадратом еще идеальнее, или что окна могут быть такими похожими, или что все это может быть такого скучного коричневого оттенка. Если бы не размер, она легко спутала бы здание с хижиной обычного жителя.

- Уверен, что привез меня в правильную деревню? – сказала Оливия, глядя на простую дверь дома.

- О, да, миледи. Это место Гаррона, ошибки нет.

- Почему он не вышел меня встретить?

- Ну, - кучер пыхтел, взваливая на плечи ее походный сундук, - он... странный, если вы позволите мне выразить мнение. Гаррон не думает о манерах. Вы увидите, - он пошел к входной двери, горбясь от веса сундука. – Я занесу ваши вещи, миледи.

Как только он ушел. Оливия уловила топот копыт. Она обошла карету и увидела трех всадников на дороге, и они направлялись к ней.

Двое из них были людьми леса: она сразу узнала темный оттенок кожи, темные глаза и волосы. Но мужчина во главе был бледнее, человек морей лет за двадцать с пронзительными голубыми глазами и такими короткими волосами, что Оливия подозревала, что их практически сбили.

Оливия ожидала, что они спустятся при виде нее или хотя бы замедлятся. Вместо этого она закрыла лицо рукой, чтобы ее не засыпало землей из-под копыт, промчавшихся мимо.

- Вернись в город и скажи кузнецу, что нужно больше металла. Было бы проще, если бы он просто пришел ко мне. Это ему тоже передай, хорошо? – рявкнул человек морей, один из всадников развернулся. – Скажи ему, что я предпочитаю рубить проблеме голову, а не давать ей отрасти.

- Да, сэр! – крикнул всадник. Он помчался на такой скорости, что Оливии пришлось спрятаться за каретой, чтобы ее снова не окатило землей.

Человек морей отдал второй приказ, и Оливия склонилась вовремя, чтобы вдохнуть пыль из-под копыт второго всадника.

Когда пыль осела, платье Оливии было испорчено. Волны пыли покрывали ткань, земля застрияла в изящно заплетенных волосах, слой пыли появился поверх слоя пота на лбу.

Ее еще никогда так подчеркнуто не игнорировали. Если и было плохо, то не ниже уровня простолюдинки. Любой мужчина замедлился бы, а не мчался бы вот так мимо женщины. С ней обходились так, словно она была не лучше земли под ее ногами.

Она не собиралась это терпеть и дальше.

Она вышла из-за кареты и решительно направилась к человеку морей, вскинув голову, яд был готов пропитать ее слова.

- Вы – Гаррон Хитрый?

- Я, – ответил он, не оборачиваясь. Он отвязывал что-то от спины лошади, ловко распутывая узлы.

Оливия сверлила взглядом его голову с короткими волосами.

- Может, вас заинтересует, что прибыл посланник канцлера Тристана.

- С чего бы это меня интересовало? Я знал, что вы прибудете. Интерес, мадам, возникает, когда происходит что-то удивительное. Иначе это просто информация.

Мадам? Ногти Оливии впились в ее ладони, и она ощущала, как бушует под кожей кровь.

- Я не сельская девка, торговец. Я – леди. Так что обращайтесь ко мне по титулу, это ясно?

Он не ответил. Он развязал последний узел, и большой колючий кабан вывалился в его руки. Он взвалил зверя на плечи, медленно повернулся и хмуро посмотрел на нее.

В его глазах не было вспышек цвета. Они были чистейшего голубого цвета. Его взгляд поднялся от ее ног к голове. Когда он посмотрел ей в глаза, ей показалось, что ее уже посчитали, словно он измерил каждую линию ее тела и сопоставил с очертаниями ее души...

И она не подошла под параметры.

- Боюсь, вы не леди, – сказал он, его голос резал так же, как взгляд. – Ты – подопечная лорда и леди, простолюдинка, которую взяли и подарили жизнь, полную привилегий, которые ты не унаследовала и не заслужила. Если бы Бассеты не были такими щедрыми, ты легко стала бы девушкой из таверны или служанкой. Я не обратился по титулу, ведь вы этого не заслужили, мадам.

Оливия перевела взгляд с Гаррона на безжизненные глаза кабана. Капля крови вытекла из его ноздри и упала на светлый рукав Гаррона. Ей это понравилось: контраст

красного на чистом. Ей нравилось, что лицо Гаррона застыло от его строгости, пока у его уха кабан был унижен смертью, из его ноздрей текло, а язык вывалился.

Ей нравилось думать, что через пару часов лицо Гаррона будет таким же безжизненным, как у кабана. Видение успокаивало ее. И она разжала кулаки и вернула на лицо маску.

- Хорошо. Полагаю, это справедливо.

- Справедливо. Пройди наверх, и ты найдешь там комнату, устроенную для тебя, и теплую ванну. И вы искупаетесь, мадам, - добавил он, хмурясь при виде линий грязи на горле. А потом его взгляд опустился на край ее юбки. – И переоденешься. Думаю, платье нужно повесить и выбить, а потом уже носить снова.

Он, наверное, шутил. Он должен был шутить.

- Повесить и... выбить? Это не мешок, сэр... это платье!

Гаррон грубо кашлянул и поправил кабана на плече.

- Да, может, но с таким слоем грязи сложно найти отличия.

Он развернулся и пошел к двери, Оливия не отставала. Она смотрела, как голова кабана прыгает на плече Гаррона, покрывая его рукав брызгами крови.

- Что вы собираетесь сделать с этим зверем?

- Я отдам его повару, мадам. А что еще я могу с ним сделать?

Оливия замедлилась от потрясения.

- Вы будете его есть?

- Я же не могу теперь оставить его в питомцах? Конечно, мы будем его есть.

«Мы...?» - Оливия застыла.

- Вы подадите посланнику канцлера колючую свинью из лесу?

- Это кабан, мад...

- Я знаю, как он зовется! Я не дура... и я знаю, когда на стол накрывают дешево.

Гаррон застыл так резко, что Оливии пришлось встать на цыпочки, чтобы не задеть его окровавленный рукав. Он повернул голову, но взгляд скользил по потолку.

- Дешево? Ты думаешь, если я не потратил ни монеты на еду, она мне ничего не стоила?

- Именно так это и называется, - процедила Оливия. Ей начинало казаться, что Тристан ошибся насчет Гаррона: она не видела, как такого дурака могли назвать Хитрым.

Гаррон все еще смотрел на потолок.

- Ясно. А вы думали о том, мадам, что монеты – меньшая из валют? Мне всегда было любопытно, почему люди так ценят то, что легко можно пополнить, почему тратят время за металлами, когда все, достойное меди, нельзя купить. Уверяю, время, что я потратил на охоту на этого зверя, стоит золота. А еще он худой, - сказал Гаррон, кивнув на кабана. – Свиньи слишком жирные. Я подумал, что мясо добычи лучше скажется на твоей фигуре.

И он ушел, и только мысли о том, что она припасла для него жуткую боль, не дали Оливии вытащить кинжал.

Гаррон только выводил ее из себя с момента ее прибытия. Ее платье было грязным, ее не замечали, ее фигуру оскорбили, а теперь ей еще предстоял ужасный ужин.

Если бы она не была уверена, что он пострадает от ее ядов сильнее, чем от ножа, Оливия уже убила бы его.

Узкая лестница в комнату была чистой, но грубой. Ее комната была до жути пустой. На стенах было пару украшений, а остальное было только для использования: раковина для умывания, ванна для мытья, камин для тепла, но даже не было зеркала. Как она будет выглядеть внушительно, если даже себя не увидит?

Когда она увидела, что мыться предстоит лишь с мылом, Оливия уже не могла сдерживать гнев. Она открыла сундук и отбросила наряды, пока не нашла маленькую шкатулку ядов.

Сушеные целые растения, порошки во флаконах, бутылочки с вязкими жидкостями. Она водила пальцами по сухим растениям, грубым сухим травам и гладким бутылочкам, и Яд медленно растекался по ее венам. Он отгонял ее гнев, и ее кровь гудела от восхищения.

Она хотела смешать что-то особенное для Гаррона, и ее ладони тут же потянулись к корешкам нароста...

Странно. Она подняла стеклянную бутылочку и нахмурилась на дюйм крохотных изогнутых корешков. Она была уверена, что пополнила запасы перед отправлением из Зеленокрови... но, может, она ошиблась.

Не страшно, у нее было много других вариантов.

Она не сдержала улыбку, изогнувшую ее губы, пока она выбирала ингредиенты, зная, что не было смысла пытаться управлять собой. Когда Яд захватывал ее, она могла лишь смотреть, как ее руки двигаются, чтобы утолить его жажду.

Оливия была очередной жертвой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Яд бандита

Через пару часов резкий стук в дверь позвал ее на ужин. После неприятной встречи Оливия не была удивлена, когда за ней пришла простого вида служанка. Ее, похоже, послали сюда, оторвав от другой работы: ее платье было мятым, в руках она сжимала швабру и ведро с грязной водой.

- Сюда, мисс Оливия, - позвала она, спускаясь по лестнице. Она замерла на площадке и указала на дверь. – Вы найдете мистера Гаррона в последней комнате слева. Если двери закончатся, вы зашли слишком далеко.

Оливия не улыбнулась в ответ. Она не была удивлена тому, что Гаррон не научил своих слуг, что с гостями говорить нельзя. Но деревня была цивилизованной, как стадо варваров, а Оливия не собиралась становиться на четыре лапы и присоединяться к ним.

И она прошла мимо служанки в коридор.

Стоило ей войти, она подумала, что служанка ошиблась. Тесная комната с одним окном, столом у одной стены и камином у другой не могла быть местом, где Гаррон решил устроить им ужин. А потом она увидела маленький стол на чистом, но потертом ковре, и поняла, что там он и собирался провести их ужин.

Стол, казалось, принесли из таверны: его поверхность была протерта, но это никак не скрыло выбоины и пятна. Одну его ножку сломали и сменили неровным куском сосны, из-за чего столик чуть склонялся влево. Несколько приземистых свеч стояло в железных мисках вдоль края стола, и они слабо озаряли комнату, что не спасало от гнетущего вида.

Место было таким простым и темным, что Оливия была бы не удивлена, увидев общество троллей, болтающих у огня, прижимаясь руками без волос, но в волдырях к грубому камину, выпуская между клыков гадкое дыхание.

Но тут был лишь один тролль, и он прошел в комнату за ней.

- Надеюсь, ты не против ужина в кабинете. Боюсь, у меня не найдется столовой, - сказал Гаррон, проходя мимо.

Конечно. Это было бы слишком просто для человека, что усложнял все без необходимости.

- И почему же?

- Потому что комната, посвященная только поглощению еды, - тратит пространства, мадам, особенно, когда еду можно есть где угодно.

- Ясно. И где вы обычно едите?

Он повернулся, вскинув брови над пронзительными голубыми глазами.

- На кухнях.

Оливия хотела сказать, что это неплохой вариант. Но передумала: он бы ответил растянутой фразой, что она глупая. Так что она принялась планировать... *переговоры*.

Гаррон сжал в руках бутылку вина и две глиняные чашки. Его волосы были все еще мокрыми от купания, но он хотя бы переодел тунику, что теперь была без крови.

- Это вино для нас, или вы хотите налить его в миску для мыши?

Он нахмурился.

- Если ты хочешь этим сказать, что в морях уже не модно пить вино на ужин, боюсь, ты...

- Нет, я не это говорила, - Оливия посмотрела на него, заставляя себя улыбаться, хотя с радостью перерезала бы ему горло. – Ну-ка... позвольте.

Она забрала у него бутылку и чашки и расставила их на столе.

- Тут вы ведете дела, мистер Хитрый?

- Да. И не нужно звать меня мистером Хитрым, - добавил он, расхаживая за ней. – Знаю, что так меня, наверное, вежливо звать, но от этого у меня в ушах звенит каждый раз.

- Прошу прощения, - Оливия крепко сжала бутылку, чтобы рука не дрожала, пока она наливала. – Я заметила бумаги на столе. Тут все ваши документы?

Она не знала, были ли те бумаги важными. Если бы она села и прочитала каждую строку, она вряд ли поняла бы хоть слово. Но Гаррон не знал об этом. И если она чему и научилась в переговорах с мужчинами морей, так это тому, что они отчаянно старались защитить документы.

И она ждала, что Гаррон пройдет к столу и уберет бумаги, а она тем временем вытащит флакон из-за воротника. Долго думая, она решил, что так лучше всего расправиться с Гарроном. Она хотела, чтобы он страдал... но она хотела и использовать кинжал. Она хотела, чтобы он извивался на лезвии.

Эта формула даст ей шанс сделать и то, и другое.

Порошок шипел, выссыпаясь из флакона, попадал в темно-красное вино и растворялся. Чашка Гаррона была чуть надколота, зазубрина выглядела так, словно чашку поцеловал кинжал. Оливия старалась держать ее в левой руке, пока поворачивалась к столу...

Гаррон стоял за ней.

Она отпрянула, когда он сунул предмет под ее нос, убежденная, что он видел, как она подсыпает яд, убежденная, что он ударит ее за это. Но его брови удивленно поползли вверх.

- Надеюсь, с вами не обходились плохо, мадам, - сказал он через миг. – Какие ужасные мужчины, если дамы отпрыгивают, едва мы приближаемся к ним.

Эти слова Оливия еще никогда не слышала. В голосе Гаррона была искренность, как и во взгляде, и это почти заставило ее не давать ему чашку...

Почти.

- Вот, - он протягивал предмет, но уже не так близко.

Оказалось, что это было грубо вырезанный инструмент с острыми крючками на конце.

- Что это?

- Инструмент столярам для сбора ветвей. Умно и быстро. Для меня будет честью, если ты взглянешь ближе.

Гаррон снова протянул ей крючковатый предмет, настаивая, чтобы она взяла его. Оливии пришлось опустить чашки на стол за собой, но она старалась держать чашку Гаррона ближе. Крючковатый предмет был таким тяжелым, что она чуть не выронила его, когда он опустил его в ее ладони.

- И как это помогает столярам?

- Ну...

Гаррон несколько минут описывал достоинства инструмента и выражал уверенность, что теперь деревья будут проще стричь. Оливия не особо его слушала.

Он склонился, чтобы указать на какой-то механизм у основания крючков, и она потрясенно охнула от тог, какими были его ладони: мелкие шрамы пересекали его костяшки, ногти были словно обрезанными в спешке. Один из пальцев был с синяком посередине, и казалось, что он сломан.

И хотя ее потрясала грубость его рук, его голос легко доносил слова. Он использовал слова, которые она никогда не слышала, сплетал их так, как никто бы не делал со своим языком. Его предложения были твердыми, с ударениями по краям, полными уверенности. Он говорил об инструменте более страстно, чем обо всем другом за день.

Если бы он с такой страстью учился манерам, мог бы стать лордом. Но Гаррон Хитрый был чуть лучше простолюдина, знающего несколько больших слов.

- Сюда добавят ремешок, конечно, – он склонился, одной рукой прижимаясь к столу, а другой скользя по железной петле. – Из прочной кожи, думаю, ведь цепи могут... зажимать.

Его грудь была в дюйме от плеча Оливии. Она отклонилась, поворачивая шею, чтобы Гаррону было видно вырез ее платья.

- Ясно... а это для чего?

Она повернула голову в его сторону, уверенная, что заманила его. Но, к ее раздражению, он даже не посмотрел на ее воротник: он глядел туда, куда указывал ее палец.

- Это крепится к дереву, мадам. Я уже говорил, - он выхватил инструмент из ее рук и прошел к столу. – Когда ты спросила, о чем мои бумаги, я подумал на миг, что тебе интересно. Я не думал, что ты из женщин, задающих бессмысленные вопросы. Похоже, я ошибся.

Оливия боролась с желанием рычать, вместо этого она схватила чашки со стола.

- Прошу прощения, мистер Хи... ах, Гаррон. Я обычно не так... отвлечена. Может, дело в голоде. Давайте выпьем и забудем об этом?

Он взял предложенную чашку и поднес к губам, но тут к двери приблизились тяжелые шаги.

- Ах, Горацио, это хорошо. Думаю, наша гостья вот-вот погибнет от голода.

Оливия такого не говорила. Она сверлила взглядом спину Гаррона, пока он помогал мужчине пройти в кабинет.

Это был крупный лесной мужчина. Темные волосы торчали на его голове, он был в грязном фартуке в коричневых пятнах поверх туники. Его живот был таким большим, что он мог бы поставить на него две тарелки без проблем.

- Погибнет? Но я же не из этих в таверне, хороший ужин требует времени, - Горацио фыркнул. – Я предупреждал до начала, что, если хочешь изысканное блюдо, его нужно готовить деликатно.

- Да, уверен, будет вкусно, - грубо сказал Гаррон. Почему-то он шагал скованнее обычного, когда взял у Горацио тарелку и принес к столу.

- Я к такому не привык, - Горацио поставил вторую тарелку. Он увидел хмурый вид Гаррона и зашептал. – Ну, я – нет. Все эти крема и соусы, нарезанные овощи. У мужчины может сердце остановиться, если ему сказать, что нужно резко научиться готовить для благородной леди...

- Все будет в порядке.

Гаррон почему-то злился, по крайней мере, казался раздраженным, хоть воротник его и был застегнут на все пуговицы. Горацио выдержал его взгляд минуту, а потом вскинул руки и заворчал, проклиная соусы, пока уходил.

Гаррон поставил свою чашку перед тарелкой и подошел к Оливии.

- Вот, - пробормотал он, отодвигая для нее стул.

Он явно никогда не выдвигал стул для дамы. Вместо плавного движения вперед, пока она садилась, он просто стоял за ней. Когда он понял, что она сидит слишком далеко от стола, он склонился и подвинул стул за ножки вместе с Оливией, как с ребенком.

Когда Гаррон сел напортив нее, он был в ярости. Кожа вокруг его бороды покраснела, его пронзительные глаза пропали под сдвинутыми бровями.

- Ваше здоровье, мадам, - сказал он и поднял чашку.

Оливия осторожно потягивала вино, следя, как Гаррон делает большой глоток. Ей придется потерпеть его болтовню еще пару минут, а потом начнутся настоящие переговоры.

Их ужин состоял из большого куска кабана, обжаренного и утонувшего в слишком сладком соусе, украшенного по сторонам жареным картофелем и странным набором тонко нарезанных овощей. Хотя ужин был не лучшим из всего, что она ела, но был лучше, чем она ожидала.

- Так вы обслуживаете гостей? Тарелкой?

Гаррон вскинул брови.

- Да. Я знаю, что аристократы едят не так, но не вижу смысла украшать кабана, если мы его вряд ли доедим. А так потом смогут угоститься и слуги.

Оливия скривилась мысленно от мысли, что это достанется и слугам. Следующий кусок она проглотила медленно, горло покалывало от него. Она сделала еще глоток вина, чтобы прогнать кусок к желудку.

- Знаю, наверное, грубо начинать так ужин, но я хотел бы с этим решить. Полагаю, Тристан был не совсем справедлив с ценами, - сказал Гаррон, отклонившись. Он смотрел на стену за ней, пока жевал. – Но меня беспокоит язык его контракта, ведь он говорит так, словно присвоит часть моей прибыли. Я посчитал бы его слова неудачно подобранными, но в этом случае... ты в порядке?

Он посмотрел на Оливию, и она поняла, что чешет руку. Это были нервы, она не понимала, почему Гаррон все еще не упал со стула.

- Да, я в порядке. Я слушаю, - добавила она, когда он вскинул брови.

- Хорошо. Как я и говорил, обычно я не обращаю внимания на язык, но в этом случае я встревожился. Когда я изучил цифры, я заметил, что их сильно повысили. Я бываю в морях не так часто, как другие торговцы, но я все еще смутно знаком с ценой за перевозки на корабле...

Вилка Оливии застучала по столу, и кусок, что она хотела поднести к губам, отлетел на поверхность.

- Про... хмм, простите, - сказала она, кашляя от зуда в горле. Что тот повар положил в соус?

- Ничего, - сказал Гаррон. – Это вытрут. И вот, хоть я и готов простить язык, цифры не лгут...

Оливия не слушала. Она смотрела на вилку.

Она не знала, как это произошло: вилка стала слишком тяжелой. Кусочек соскочил с зубцов, ее запястье не могло поднять вес...

Нет. И даже без вилки между пальцев она не могла шевелить ими. Движения были запоздалыми, словно она боролась с водой. Когда она дотянулась до вилки... она не ощутила ее.

Страх проник в нее, на миг ужас отогнал онемение. Она схватила чашку. Пальцы ощупывали край, пока она не умудрилась перевернуть чашку.

Вино полилось на стол. Чашка покатилась к Оливии по неровной линии по столу... и с каждым поворотом она замечала на краю щербинку.

Нет. Это невозможно! Она была такой осторожной, она следила за чашками. Отравленная чашка была ближе. Она помнила, как предлагала ее Гаррону. Она не могла ошибиться...

От внезапного осознания все в ней замерзло. Она заставила голову подняться над волнами онемения, и взгляд ее упал на пронзительные глаза Гаррона.

Он спокойно смотрел на нее, переплетя пальцы и устроив их под подбородком. Когда он заговорил, его голос был шепотом:

- Я слышал о тебе разные слухи, Оливия из Зеленокрови. Я слышал, что лорд Бассет нашел тебя ребенком среди бандитов. Они тебя вырастили, да? Там ты научилась смешивать яды.

Что-то ужасное жалило ее глаза, пока Оливия боролась с его словами. Она хотела кричать на него, плонуть ему в лицо. Он ничего о ней не знал! Как он посмел так говорить с ней! Она хотела стереть наглую ухмылку с его лица. Она хотела вырвать его губы и оставить от него кровавую дыру...

- У меня возникали сомнения. Но, когда я услышал о тревожных случаях в Высоких морях, я начал понимать, как все это происходило. Эдвардс был моим другом, - тихо сказал он, пока тело Оливии немело. – Я был потрясен, когда узнал, что он разбился из-за пьяного ступора. Я знал, что он не выпивал. А с лордом Хортоном мы сотрудничали годами. Я много раз приглашал его в дом, но, как ты сама уже знаешь, он отказывался прибывать на берег.

Красные точки появились на руках Оливии. Она в ужасе смотрела, как они набухают до волдырей, чешутся с такой силой, что она едва слышала Гаррона. Волдыри быстро распространялись. Казалось, кончик кинжала скользил по ее спине, дразня ее, заставляя каждый дюйм ее тела кричать, моля о смерти или пощаде.

Но этого не было. Нет, она прекрасно знала, что оказалась в этом плену на часы... Онемение впивалось в нее, и она никак не могла это остановить.

- Странно, что двое таких сдержаных мужчин умерли из-за поступка, что был им не свойственен, - отметил Гаррон, глядя ей в глаза. – У Тристана было несколько талантливых дипломатов. Но им было сложно иметь дело с теми, кто отказывался пить или сходить с корабля. Нет, я сразу понял, что только большая сила могла бы убедить их так резко измениться. И разве есть сила опаснее, чем красивая женщина, умеющая обращаться с ядом бандитов?

Гаррон отвел взгляд, голова Оливии беспомощно опустилась на стол. Она уже не могла удерживать себя. Ее легкие дышали, а сердце билось. Глаза оставались открытыми, но она ничего не видела за волнами волос, упавших на них.

- Женина, - процедил Гаррон. – Этот термин я использую свободно, мадам. По возрасту тебя уже можно назвать женщиной. Но, поговорив с тобой, я увидел, что тебе не хватает понимания, что приходит с опытом. Я ощутил, что тебе нужно самой попробовать укус своих ядов. Потому, когда я рассказывал об инструменте, я воспользовался шансом и подменил чашки.

Он встал с кряхтением. Она услышала скрип стула, стук его сапог. Мир закружился, ее тело перевернули. Мгновение она падала, потолок мелькнул над головой, желудок подпрыгнул к горлу, она пошатнулась.

Но, к счастью, на пол она не упала. Ее кожа была онемевшей. Она ощущала слабо прикосновение Гаррона, он поднял ее на руки. Это словно было не в реальности.

- Надеюсь, яд не смертельный, - пробормотал он, пока нес ее из комнаты. – Тебе еще многому нужно научиться... и я хочу научить тебя.

Научить ее? Что он имел в виду?

«Не глупи, Оливия, ты прекрасно знаешь, что он имеет в виду, - возмутилось ее сознание. – Он хочет сделать то, что собирались сделать все, кого ты убила. Он хочет разрушить тебя».

Холод застыл в ней, Гаррон нес ее по коридору, по лестнице. Она знала, что он будет пытать ее. Она убила его друзей. Так что он имел полное право ранить ее.

Но это будет хуже ударов Тристана. Он нес ее в комнату, потому что собирался сломать ее. Он хотел ранить ее так, как она не забудет. Он хотел унизить ее, пока яд будет держать ее в оковах... чтобы она ощущала всю горечь поражения.

Он опустил Оливию на кровать, и она клялась, что не сломается. Что-то горело под ее кожей, отгоняло зуд волдырей. Другая женщина в ней бросала вызов Гаррону. Она скалила клыки в дикой улыбке и убеждала Оливию, что она ждет боли.

Ведь боль тоже была ядом.

Руки Гаррона казались особенно грубыми рядом с ее бледной и гладкой кожей, он поднял ее ладонь и повернулся, стараясь не задевать волдыри.

- Я думаю, мадам, что красивая молодая женщина с таким навыком алхимии и благородными защитниками может быть не только политическим оружием. Тристан заставил тебя служить ему, да?

Даже если бы она могла кивнуть, она бы этого не признала. Гаррон пытался выкопать боль, которую мог использовать против нее. Наверное, он потом шептал бы это ей на ухо, пытая ее.

Но Оливия не моргнула. Она смотрела ему в глаза и надеялась, что он прочтет там предупреждение: ему лучше убить ее, пока есть шанс.

- Ты храбрее, чем я ожидал, - пробормотал Гаррон, опустив ее руку рядом с ней. – Я жду наши уроки.

Он повернулся и пошел к двери ловким и решительным движением, Оливия даже удивиться не успела. Она все еще была в шоке, а в комнату ворвались две служанки.

Она узнала первую, общительную служанку, что отвела ее на ужин. Она замерла на пороге, прижала ладонь к груди и охнула при виде волдырей.

- О, мисс Оливия! Гаррон сказал, что вы задели плющ... это противная штука, не поспоришь.

Вторая служанка опустила глиняный кувшин на стол рядом с ее кроватью. Женщины повернулись к Оливии. Они крутили ее, раздевая догола. Как только она стала обнаженной, они приступили к обработке волдырей.

Кувшин был полон прозрачной мази, которую служанки густо мазали на ее раны. Она притупляла боль, прогоняла зуд. Мазь засыхала, но оставалась прохладной, что помогало справиться с пылающими волдырями. Но Оливия все еще была насторожена.

Это была часть пытки Гаррона? Он хотел, чтобы она подумала, что избежала наказания, чтобы потом обрушить его на нее?

Как только служанки покрыли ее мазью, они оставили ее обнаженную на кровати.

- Я сталкивалась с плющом раньше, мисс, и он заживет быстрее, если будет дышать, - сказала общительная служанка и ускользнула за дверь.

Оливия лежала полночи без сна, убежденная, что Гаррон задумал что-то ужасное. Может, он хотел держать ее в пленах, пока Тристан не согласится на лучшие условия. Если бы она могла двигать руками, то рассмеялась бы от этой мысли.

Тристан и медяка за ее свободу не даст... он, наверное, еще пришлет Гаррону список, как лучше пытать ее.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Капюшон и маска

- Осторожно, мисс. Знаю, вы этого не хотите, но мистер Гаррон просил увидеть вас, и он настаивал на этом.

Оливия стонала, пока служанка укутывала ее тело в тонкую простыню. Часть ее была рада тому, что она могла стонать. Значит, онемение проходило. Но другая ее часть скалила зубы, простыня прижалась к ее телу, и жар остался при ней.

Тепло усиливало зуд волдырей. Она лучше пошла бы к Гаррону голой, чем превозмогая такую ужасную боль. Если бы она могла двигаться, она бы сорвала простыни.

Служанка ушла, обещая, что вернется, чтобы нанести новый слой мази на волдыри, и в комнату вошел Гаррон.

Его штаны были помятными, рубашка выбилась и была расстегнута на три пуговицы ниже воротника. Оливия пригляделась и поняла, что это была та же одежда, что и прошлым вечером.

Гаррон смотрел на пергамент в руке, подходя к ее кровати.

- Прости, я пытался, но никак не обойти... - он замолчал и хмуро сверлил взглядом страницу.

Горло Оливии напрягалось из-за того, как засохло. Она закашлялась и смогла выдавить:

- Что?

Гаррон вскинул брови.

- Я всю ночь этим занимался, мадам. Пытался понять, как освободить тебя от контракта с Тристаном. Но, ты его работница, хоть и не по своему желанию, боюсь, попытки украсть тебя совет посчитает нарушением контракта, и Тристан сможет полноценно послать армию в Сосновую стражу, чтобы забрать тебя. Мои люди – не воины. Они могут защитить деревню от волков или медведя, но вряд ли выстоят против солдат совета, - Гаррон устроился на краю ее кровати, бормоча. – Боюсь, тебе придется и дальше ему служить, но теперь быть осторожнее.

Оливия впервые заинтересовалась.

- Как?

- Например, я советую не ездить по Королевству в карете. Грохот кареты сразу сообщает, что едет кто-то важный. Научись ездить на лошади. Сливаться. Думаю, тебе нужно рассмотреть эти варианты...

Он вскочил на ноги и вышел за дверь, оставив Оливию в еще большем смятении.

* * *

Через пару дней онемение и волдыри прошли. На рассвете второго дня она смогла сама сесть и даже съела миску бульона.

- Вот так, мисс. Чем больше будете есть, тем быстрее исцелитесь.

- Спасибо, Элис, - сказала Оливия. Оказалось, что болтливую служанку звали Элис. Это имя ей подходило. Оливии теперь стало лучше, и она могла самаправляться почти со всеми волдырями. Она запускала ладони в глиняный кувшин, зачерпывала пальцами прозрачную вязкую мазь. – Из чего это лекарство?

- Мы зовем их лозами покрова, мисс, из-за того, что у них широкие листья, - сказала Элис, нанося прохладную мазь на поясницу Оливии. – Это паразиты. Они растут высоко на деревьях, выделяют из веток жизнь, если их быстро не убрать. Но сок их листьев – основа полезной мази.

Оливия скжала пальцы, а потом развела их, глядя, как мазь тянется тонкими волосками между ними.

- Я хотела бы увидеть, где они растут.

- Я не лазаю по деревьям, мисс. Но, когда вы сможете ходить сами, уверена, кто-нибудь из парней вам покажет.

Лозы покрова были не единственным интересным растением в Сосновой страже. Гаррон приносил ей большую охапку полевых цветов каждое утро, настаивая, что их запахи помогут и целению, а Оливию каждый раз потрясало буйство красок.

Больше всего ей нравился цветок с витыми кроваво-красными лепестками и черной вспышкой в середине. Стебель был черным, но концы шипов – красными.

- С этим нужно осторожнее, - пробормотал Гаррон, прижимая платок к точечкам крови на кончиках пальцев Оливии.

Следы шипов покалывали, немного темного сока стебля осталось на ее ладони. Но хотя цветок ужалил ее, она не могла отвести от него взгляда.

- Он ядовитый?

- Нет, к счастью. Хотя название у него жуткое – сорняк мертвца. Из-за того, что лепестки похожи на смертельное ранение, - сказал он раньше, чем она спросила. – Это не садовый паразит. Но мой балбес-повар пытался сделать из сорняка мертвца чай. Он клянется, что им можно прогнать тревоги, и, признаю, он успокаивает… если это проглотить, - он сжал губы, пронзительный взгляд устремился вдаль от воспоминаний. – Ужасно горькое пойло, самый ужасный чай из всех, что я пробовал.

Чай? Оливия была чуть разочарована, что сорняк мертвца был не таким опасным, как выглядел. Но ей нравилось название. И пугающие цвета.

- Я могу попробовать чай?

Гаррон нахмурился и посмотрел на потолок. Он с осторожностью выбирал, какие цветы приносил ей, и он убрал ее шкатулку ядов. Хотя он был удивительно добрым к ней, было понятно, что он не доверял ей.

И это было к лучшему.

- Хорошо. Не вижу повода отказать. Элис принесет чашку вечером, - сказал он и вышел за дверь.

Со временем Оливия начала привыкать к тому, что Гаррон мог зайти в любое время дня и ночи, обычно делая это в раздумьях. Может, дело было в том, что ей было нечего делать, пока она была прикована к кровати, но он начал звучать умно. И он, казалось, хотел помочь ей улучшить навык переговоров. У него были неплохие мысли насчет того, как не дать себя поймать.

Как-то он спросил ее, что она думает о маске. Она не успела ответить, он развернулся и ушел. А через пару минут он вернулся и заявил, что маска ей не помогла бы, потому что глаза ее сразу выдали бы.

А потом он снова ушел и вернулся, заявив, что решил проблему.

- Вот.

Оливия не двигалась, пока Гаррон обвязывал ткань вокруг нижней половины ее лица. Когда его грубые пальцы задели ее шею, странное ощущение пробежало по ее спине. От этого ее голова стала легкой, лицо пылало, и плоть под кожей натянулась на костях.

Этот яд она давно не пробовала… но помнила его хорошо.

Она смотрела в пронзительные глаза Гаррона, пока он завязывал ткань, смакуя этот яд. Он всегда проявлялся… волнительно. И всегда удивлял ее.

Гаррон отпрянул. Часть кожи было видно за его воротником. Волоски завивались на тонком покрове над костью. Она коснулась бы их, но Гаррон накрыл чем-то ее макушку.

- Это зовется капюшоном, мадам. Мои люди так одеваются для охоты, он не пускает дождь к их глазам, но не мешает рукам, - он кивнул и поправил капюшон на ее лбу. – Да, так куда лучше.

Она отклонила голову и сказала сладчайшим тоном:

- О? И что ты будешь делать с остальной мной?

- Я не стану ничего делать, пока ты будешь скрывать эти глаза, - сказал он, подвинув капюшон до ее носа.

Когда она выбралась из-под капюшона, Гаррон уже вышел из комнаты.

После этого Яд, казалось, набухал каждый раз, когда Гаррон входил в ее комнату, и Оливия ничего не могла с этим поделать. Пылающий трепет растекался по ее венам, и она скалила зубы, чтобы он не вырвался. Но, как она ни пыталась привлечь его внимание, Гаррон не замечал ее попытки.

Он не замечал тон ее голоса, ее взгляды. Когда он спросил, знала ли она боевые стойки, она ответила то, что мужчина точно воспринял бы не в том смысле, но не мужчина по имени Гаррон Хитрый. Он нахмурился и сказал, что не слышал раньше о таком стиле боя, обвинил ее в том, что она это выдумала, и несколько минут отчитывал за то, что леди должна знать хотя бы, как себя защитить.

И Оливия решила попробовать что-нибудь заметное.

Каждый раз, когда он приходил к комнате, Гаррон громко стучал и спрашивал, одета ли она. Одной ночью она решила нарушить это. Когда она пригласила его войти, он увидел ее почти без одежды, нахмурился и хлопнул дверью.

Он не приходил к ней после этого.

- Он говорит, вы плохо себя вели, мисс Оливия, - сообщила Элис, когда та спросила.

- Говорит, вы можете прийти к нему, когда ноги будут слушаться. Но он больше не придет.

Оливии это должно было разозлить. Но Яд жарко пыпал. Она никогда еще так не старалась, чтобы добиться внимания мужчины, и она хотела заполучить это. Гаррон мог фыркать и закатывать глаза, сколько хотел, но он будет ее.

Яд не успокоится, пока она не получит его.

* * *

- Хорошо. Ты восстановилась, - пробубнил Гаррон, когда Оливия вошла в кабинет. Он склонялся над столом, что-то писал. Он даже голову не поднял.

Почему-то служанки спрятали все ее платья, пока она ей было плохо. И Оливия нашла лишь штаны и мужскую тунику.

Туника была довольно удобной: ей нравилось, как мягкая ткань свободно облегала ее кожу. Но штаны были другим делом.

- Я хочу вернуть юбки. Я не могу дышать в этой одежде.

- Боюсь, это не обсуждается мадам. Если хочешь научиться сражаться, то тебе нужна одежда, позволяющая свободу движений и не цепляющаяся за все вокруг.

Оливии показалось, что она услышала.

- Сражаться?

- Конечно. Я уже много раз говорил, что ты не можешь идти по указанию канцлера, не умея хотя бы защитить...

- Я знала, что ты носишь очки.

Гаррон нахмурился, на кончике его коса были очки-половинки.

- Не ношу. Они нужны мне только для вычислений.

- О? Почему же?

- Потому что цифры требуют больше внимания, чем другие записи, - сказал он едко. Он свернулся верхнюю страницу и отодвинул. А потом вытащил незапечатанное письмо из ящика стола. – Я решил набросать объяснение Тристану от твоего лица, он будет переживать, что ты так долго отсутствовала.

«Нет, он будет переживать, ведь не знает, убила ли я тебя», - подумала Оливия.

Она невольно посмотрела на горло Гаррона, а он продолжал:

- В этом письме ты объяснила, что смогла убедить меня принять условия совета. Прибыль не так велика, как я рассчитывал, но этого хватит, чтобы прокормить мою деревню, - объяснил он, увидев ее удивление. – А еще ты говоришь здесь, что поняла, что я могу быть полезным союзником, ведь у меня есть связи с другими торговцами Великого леса. И хотя ты веришь, что я могу сблизить два региона, ты не доверяешь мне полностью. Так что ты просишь позволения остаться в лесу, предлагая услуги разведчицы и шпионки, - он обмакнул перо в чернила и протянул ей. – Мне нужна подпись, и я отдам это курьеру.

Оливия улыбнулась и взяла перо. Гаррон умудрился сплести бред так красиво, что Тристан точно повелся бы. Она не переживала за лес или моря, за чью-то выгоду: она отдала бы правую руку, лишь бы остаться в лесу дольше, лишь бы не видеть взгляд лорда Бассета и не ощущать руки Тристана.

- Вот, - сказала она, дописывая с размахом последнюю букву. – Что теперь?

Гаррон прошел к камину и запечатал письмо.

- Теперь я научу тебя милосердию, мадам. Ты научишься исполнять долг, не оставляя следы крови за собой. Я отведу тебя к целителям деревни, и они научат тебя делать противоядия к твоим ядам. Так ты сможешь предлагать жертвам противоядия, ясно?

Почему-то его хмурый вид вызвал ее улыбку.

- Да, сэр.

- Хорошо. И не добавляй в яды горячку или волдыри. Уверен, ты поняла, что неспособность защититься – достаточное наказание.

- Да... сэр.

Он нахмурился, отвел взгляд от стен и заметил, что она подошла ближе. Он отпрянул на шаг.

- И еще. Я... собираюсь научить тебя сражаться. Если что-то пойдет не так, тебе нужно понимать, как... можешь перестать так мне улыбаться, мадам?

Она не могла остановиться. Яд беспощадно змеился в ее крови. Она смотрела, как румянец растекается по горлу Гаррона, и проурчала с улыбкой:

- Я буду ждать наши занятия.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Сын торговца рыбой

Оливия охнула, невольный стон вырвался между ее зубов, когда пол впился в нее. Боль пронзила голову. Она ощущала ее острые зубы, но не посмела отвлечься на это.

Она перекатилась и спаслась от сапога Мейсона.

- Попытайся меня ранить, можешь? Я тебя убью, паршивка!

Оливия бросилась к своему кинжалу на полу, но ладонь Мейсона обхватила ее запястье и дернула назад. Она вспомнила, что Гаррон говорил о том, что врагов нужно держать на расстоянии. Он легко сбивал ее на землю всякий раз, когда хватал. Она знала, что ничего не могла сделать с мужчиной, что весил намного больше нее.

И она набросилась. Она вскинула ногу с силой лошади Гаррона и рассмеялась, когда попала.

Мейсон тут же выпустил ее. Его лицо стало цвета снега, он пошатнулся, прижав ладони к важному месту. Он рухнул на пол комнаты и сжался, постанывая, пока Оливия приближалась.

Ее ладонь дрожала, когда она вытащила кинжал. Яд бушевал, и она провела лезвием по его руке, наслаждаясь тем, как слабо сопротивляется его плоть, как медленно растекается алый. Кровь выплеснулась из берегов и стекла каплей к запястью Мейсона.

- Вот. Не так и ужасно, да? – сказала Оливия, отойдя к окну, вытирая по пути кинжал о штаны. Она старалась говорить ниже, Гаррон часами учил ее этому. – Этот яд мягок. Можете закрыть глаза и позволить ему забрать вас... и Смерть отнесет вас тихо в мир иной.

Мейсон не ответил. Воздух шипел в его легких, его сковывало онемение.

Улыбка Оливии отдавалась болью в опухшем левом глазе – туда Мейсон все-таки смог попасть. Гаррон был прав, оставлять жертв в живых было лучше, они могли торговаться за жизнь. И поражение в глазах Мейсона ее... радовало.

- Что ты со мной сделаешь?

Ладонь, зажимающая его рану, уже обмякла. Оливия слушала, как кончики его пальцев шуршат по рукаву, его рука онемела, яд крепче сковал его.

- Думаю, мы могли бы немного поговорить. Будет обидно, если ты отключишься в тишине.

Глаза Мейсона блестели, плечи опустились. Его язык беспомощно выкатился из-за зубов, а потом он смог прошептать:

- Не хочу... умирать...

Оливия улыбнулась и присела рядом с ним. Она провела ладонью по его намокшим волосам и нежно обхватила подбородок.

- Так почему бы нам не поговорить о твоей сделке с канцлером? Если понизишь цену... я подберу для тебя противоядие.

* * *

Оливия возвращалась в Сосновую стражу, и ей казалось, что она улыбалась весь путь.

Слабый дождь лился на ее плащ, грязь запятнала штаны, пока ее кобылица мчалась по лесу. Шумное дыхание существа совпадало с трепетом в груди Оливии, от которого немели носки и дрожала хватка на поводьях.

О, не было ощущения приятнее, не было восторга сильнее. От этого свободы кровь кипела в ее венах.

Вернув лошадь в конюшню, Оливия побежала по дорожке. Она была уверена, что не привыкнет к тому, как быстро ее могли нести ее ноги. Усталость конечностей после малейшей пробежки пропала после тренировок и испытаний, и мышцы под ее кожей затвердели и теперь могли нести ее по холмам и через ручьи с легкостью.

Гаррон хорошо обучил ее.

Она добралась до дома, толкнула двери и ворвалась в коридор. Она не остановилась, пока не попала в кабинет.

- Получилось, - выдохнула она, войдя.

Гаррон, как всегда, был за столом с очками на носу.

- Получилось вычесать и поухаживать за лошадью перед тем, как ты сюда ворвалась?

- Да, но...

- Ворвавшись в мой дом, ты закрыла за собой дверь? Ты знаешь, что я не люблю, когда залетает дождь.

Оливия вышла в коридор, захлопнула дверь и вернулась в кабинет.

- Вот. Ты доволен?

- Не совсем, - Гаррон свернул письмо, которое читал, и отложил его. Снял очки. Его пронзительные голубые глаза окинули ее взглядом, проследили до двери за ней. – Не знаю, как может радоваться мужчина, чей коридор теперь в грязи.

От нее остались следы.

- С этим справятся слуги. Будет, чем заняться.

Гаррон прищурился.

- Заняться?

- Да. Если бы твои коридоры не были такими чистыми, они были бы заняты сильнее.

Гаррон отклонился.

- Ясно. Ты думала, мадам, что мои коридоры такие чистые, потому что мои слуги много времени тратят на это? И что им не хотелось бы в конце дня увидеть, что их работу затоптала грязными сапогами подопечная аристократа? Нет, - пробормотал он, следя, как ее брови ползут вверх, - ты об этом не думала. Ни мгновения. Что ж... это нужно исправить, да?

По его приказу служанка принесла тряпку и ведро в кабинет. Она оставила их на полу и ушла.

- Вытри за собой, - приказал Гаррон. – Когда закончишь, я проверю. Если мое лицо не будет отражаться, придется тебе оттирать и кабинет. О, и тебе лучше сначала снять эти сапоги, - добавил он, хмуро глядя вниз. – Иначе будет так бесполезно, как копать во время снегопада.

Оливия сняла не только сапоги. Она сняла грязную одежду и бросила в огонь, пока неней не осталась только нижняя одежда. Она повернулась, уверенная, что увидит, наконец, как у Гаррона раскрылся рот, но он был занят письмами, бормотал под нос, пока подсчитывал прибыль за неделю.

Она шагнула к нему.

- Ты даже не посмотришь на меня?

- Мне нужно многое достичь работой, куда больше, чем я получу, глазея на тебя, - сказал он, взгляд двигался по странице. – Надеюсь, ты меня простишь, но я считаю, что эти цифры важнее, чем твоя фигура. За уборку, мадам, и при этом расскажи мне про Мейсона.

Оливию еще не заставляли работать как служанку. Деревянный пол неприятно давил на ее колени, вода в ведре была обжигающе горячей. Но пока она водила тряпкой по грязным местам и возвращала доскам сияние, ее тело начало расслабляться.

Эта грубая работа исцеляла, простота выводила Яд из ее вен. Она ощущала это впервые, когда Гаррон заставил ее снять с лошади седло и вычесать ей гриву: ее сердце перестало колотиться, а ладони – дрожать. Она постепенно успокоилась.

А теперь ритм уборки успокоил ее так же, как и вычесывание.

Гаррон внимательно слушал, пока она рассказывала, что сделала с Мейсоном. Порой он что-то бормотал, перо двигалось по странице. Но почти весь ее рассказ он был тихим.

- Ты не убила его? Управляла собой?

Оливия не могла назвать это управлением. Если бы мольбы Мейсона не повеселили ее, она бы убила его. Но ей нравилось смотреть свысока на того, кто чуть не умер в ее

руках, а теперь поправлял воротник и пытался делать вид, что его Смерть не смотрела на него ее глазами.

Но она знала, что Гаррон отругает ее, если она расскажет об этом. Ему нравилось думать, что она менялась к лучшему. И она сказала:

- Да, я смогла управлять этим.

- Хорошо. Очень хорошо. И ты смогла... убедить его подписать на желания канцлера?

- Я передала документ курьеру в следующей деревне. Тристан получит его через пару недель.

Гаррон рассеянно кивнул. Он поднял голову и даже не посмотрел ниже ее подбородка, зато заметил лиловый синяк на ее лбу.

- Полагаю, ты пришла ко мне сегодня, потому что хочешь укрыться в Сосновой страже, пока не исцелишься?

- Да. Спасибо, что спросил.

Он вернулся к бумагам, а она – к уборке. Они работали в тишине, шли минуты, а их поглотили занятия. Оливия вытерла остатки грязи и подозвала Гаррона проверить.

Она смотрела, как его взгляд резко движется по полу, слушала, как его шершавые ладони щупают ее работу. В конце коридора осталась тонкая полоска.

Оливия намеренно оставила ее там.

- Почти идеально, но все испортила беспечная ошибка, - прорычал Гаррон, увидев это. – Вытирай, мадам.

- Не буду.

Гаррон окинул ее взглядом, как делал всегда, когда ему перечили. Только в этот раз он забыл, что она была почти без одежды.

Его лицо вспыхнуло красным. Его взгляд скользнул к ее глазам, и она выдерживала этот взгляд, дразня его. Она искала голод. Он был где-то там, мелькал в глубине зрачков. Вот-вот его желание вспыхнет. Он пронзит ее взглядом, руки впьются в ее плоть...

- Беспечно, - сказал Гаррон. Он схватил тряпку, оттер полоску сам, ворча. А потом позвал служанку, отдал тряпку и ведро и решительно прошел к столу.

Оливия последовала за ним, злясь сильнее обычного.

- А мое наказание?

- Какое наказание?

- Ты сказал, что, если я не отмою коридор дочиста, мне придется убирать кабинет.

- В этом нет смысла, мадам. Мой кабинет уже вымыт, и ты только его запачкаешь.

Он грубо сел за стол, Оливия стояла, скрестив руки, и сверлила взглядом огонь.

Через миг Гаррон вздохнул.

- Мне жаль услышать про леди Бассет. Прими мои соболезнования.

Оливия вздохнула. Она отчаянно старалась исцелить ее до конца. Она подсыпала леди Бассет травы, как только удавалось, чтобы исцелить ее кашель. Но ничего не сработало.

И теперь прошел почти месяц после смерти леди Бассет, лорд Бассет был безутешен. Он просил, чтобы Оливия была с ним, пока он не спал, молил ее остаться рядом, не выпускал из поместья. Только визит Тристана убедил его выпустить ее.

И Оливия не спешила возвращаться.

- Жаль, что она умерла... теперь никто не отвлекает лорда от меня.

Она повернулась и увидела, что рот Гаррона был приоткрыт, а брови – высоко подняты.

- Прости. На миг мне показалось, что ты скажешь что-нибудь сентиментальное, - сухо сказал он. – Но факт остается, умерла женщина, что по своей воле играла роль твоей матери все эти годы. Она заслужила чего-то большего, чем твое раздражение.

- Мне жаль, что она умерла, - сказала Оливия, стараясь звучать искренне. Она двигалась к Гаррону, пока говорила. – Она растила меня как своего ребенка, хотя не

должна была. Если я звучу резко, то лишь потому, что переживаю из-за нее. Мне очень ее не хватает. Ты меня знаешь, Гаррон... - она понизила голос до шепота, оказавшись рядом с ним, - ты знаешь, что я плохо... выражая эмоции. Может... - ее ладонь задела его плечо и медленно поползла к шее, - может, если ты обнимешь меня на миг, я наберусь смелости выразить это.

Он поднял голову над бумагами и повернулся к ней, а потом прищурился.

- На моей тунике вышито слово «дурак», мадам?

- Нет...

- Так не относись ко мне, как к дураку, - заявил он, убирая ее руку от своего воротника. – Значит, лорд Бассет стал опекать тебя сильнее после смерти леди Бассет?

- Если ты имеешь в виду то, что он запер меня в своем чертовом поместье, то да, - проворчала Оливия, уходя к камину.

- Интересно, - с шумом Гаррон подвинул стул, чтобы быть лицом к ней. – Повернешься ко мне?

Оливия оглянулась через плечо, чтобы спросить, что он задумал, и увидела, как он смело скользит взглядом по ее телу.

«Наконец-то».

Она выпрямила руки и повернулась, открываясь давлению его взгляда.

- И?

- Что?

- Я хочу услышать, что ты думаешь.

Гаррон сжал губы под пальцем, снова скользнул по ней взглядом.

- Думаю, он хочет на тебе жениться.

Руки Оливии напряглись по бокам.

- Кто хочет?

- Лорд Бассет. Потому он так заинтересовался тобой.

Она вздохнула, скрывая разочарование.

- О, конечно. Все в морях хотят на мне жениться. Но я не хочу.

- Боюсь, тогда тебе придется искать другой дом. Думаешь, лорд Бассет позволит тебе остаться в Зеленокрови после отказа? – сказал Гаррон, увидев ее удивление. – Не позволит, мадам. Дом даже может стать частью соглашения. Тебе предложат выйти за него и сохранить остров или быть изгнанной.

Что-то неприятно сжималось внутри нее.

- Но куда я пойду?

Гаррон пожал плечами.

- Тебе решать. Если выберешь брак, получишь владения в лесу и морях. Если решишь жить свободно, думаю, твои варианты будут ограничены. Редкие мужчины позволяют такому желанному созданию жить под его защитой без брака, - добавил он с кривой улыбкой. – Хотя, думаю, канцлер Тристан был бы рад тебе в своем замке.

«Я в этом уверена, - подумала Оливия, язык сжался во рту. – Он смог бы тогда давить на меня каблуком, когда пожелает».

- Я не могу остаться с Тристаном.

- Тогда что ты будешь делать?

- Не знаю.

Оливия передвигала босые ноги по полу, расхаживая в раздумьях. Если она выйдет замуж, она лишится свободы, а она не могла отдать это. Она была уверена, что не выживет без движения яда, без восторга от боя, без трепета от крови жертв.

Нет, она не могла бросить то, что заставляло ее сердце биться. Но если она не выйдет замуж, то куда отправится? Все медяки в ее кармане принадлежали лорду Бассету, Тристан платил ей лишь сохранением секрета. У нее не было средств на самостоятельную жизнь.

Она не знала, что делать, но Гаррон знал. У него всегда был ответ. Она глубоко вдохнула и сказала:

- Что ты сделал бы на моем месте?

- Вышел бы замуж. С размахом, - добавил он, окинув ее тело еще раз взглядом. – Ты – красивая женщина с фигурой, созданной для детей, а каждый мужчина хотел бы продолжить свой рот. Хотя, если у тебя будут дети, лучше найми для них добрую женщину, чтобы приглядывала вместо тебя, - он сжал губы, взгляд вернулся к ее лицу. – Ты не будешь хорошей матерью.

Оливия улыбнулась, благодаря за отвлечение.

- О? Почему это?

- Дело в глазах, мадам. У тебя змеиные глаза, очаровательные... и жестокие.

- Если они тебя чаруют, почему не пускаешь меня ближе?

Его хмурость удержала ее на месте.

- Многих мужчин это чарует и повергает в транс. Но на меня это действует иначе.

Очарование для меня несет подвох. Мне не нравятся чарующие люди, я им не доверяю.

- Ясно. И что мне нужно сделать, чтобы ты... доверял мне?

- Я придумаю, чем тебе заслужить мое доверие, не раньше, чем скажу, что буду платить покупателям. Потому что ты обманешь меня, - сказал он, увидев, что она хочет задать вопрос. – Ты будешь со мной, пока не выпьешь всю кровь. А потом оставишь у дороги в канаве с остальными победами.

Он выдавил последнее слово с такой силой и яростью, с какой еще не звучал. А потом отвернулся, оставив след в виде полумесяца стулом на отполированном полу.

Оливия смотрела на необычный румянец на его шее, пытаясь понять его. Он не ругал. Не наказывал. Она не знала, почему Гаррон рявкнул на нее. Но почему-то воздух стал холоднее, когда он отвернулся. Это ей не нравилось.

- Ты прав. Я не стала бы хорошей матерью, - тихо сказала она.

Он фыркнул над письмами.

- Я почти стала матерью однажды... но оказалось, для этого тоже есть яд.

Перо Гаррона замедлилось и замерло.

- Хочешь сказать...?

- Да.

Его ухо повернулось к ней, но он смотрел на дверь.

- Оливия, такое... случается. Люди морей не такие чистые, как ты можешь думать, и ты не первая аристократка, попавшая в такую ситуацию. Ты могла просто выйти замуж за отца, и в этом не было бы ничего постыдного.

- Отец не был аристократом.

- Ах, торговец – это тоже не плохо...

- Это был сын торговца рыбой.

Слова Гаррона увяли на губах. Он смотрел на стену, а Оливия повернулась к огню.

- Годы назад лорд Бассет проверял строительство нового порта на маленьком острове на востоке. Он уезжал надолго, так что взял с собой леди Бассет и меня. Я встретила юношу в первый же вечер... и виделась с ним потом почти каждый вечер. Он ничего не знал о моем мире, а я – про его мир. Помню, как я была потрясена, когда узнала, что он не умел читать. Таких аристократы зовут простаками. Но я была не против. Есть вещи куда хуже простоты.

Оливия говорила тихо, выдавливала слова... прикрывала глаза от воспоминаний.

- Мы были слишком юными. Любовь невероятна, и мы думали, что ее не стоит бояться. Я знала его месяц, а потом лорд Бассет отдал приказ уплывать домой. Через месяц я узнала, что Судьба наказывает за бесстрашие. Я приняла свой яд. На этом все закончилось.

Она прижала к себе скрещенные руки, спилась в плоть ногтями. Боль отгоняла все остальное – память о его ласке и запахе, о восхищении, а не голоде. Она впивалась ногтями, пока не смогла ощущать только боль...

И остановилась, радуясь ей.

Оливия повернулась и ожидала увидеть Гаррона с раскрытым ртом от потрясения или с отвращением на лице. Он повернул стул, но смотрел на огонь в камине, а не на ее лицо. Его кулак был сжат под подбородком, он сдвинул брови, но не хмурился. Его пронзительный взгляд двигался, словно он читал строчки письма.

- Что случилось с юношем? – пробормотал он через миг.

Оливия пожала плечами.

- Он был самым младшим сыном торговца рыбой. Уверена, его уже доставили в Средины, и из него выгнали все добро. Даже если я встречу его еще раз, он не сможет любить меня так, как раньше. Так что я не думаю об этом. Нет смысла.

Гаррон медленно кивнул, глядя на огонь. А потом он вдруг встал.

- Служанка принесет тебе чистую одежду. Тебе нужно что-то поесть. Отсюда полдня пути, и я не хочу останавливаться из-за пустяков.

Он снова заговорил с середины, словно Оливия могла слышать его мысли.

- И куда мы отправимся?

- К озеру, мадам, - сказал он, проходя к двери. – Я хочу тебе кое-что показать.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Потерянное имя

Они ехали весь день и до глубокого вечера. Жеребец Гаррона мчался впереди, дождь делал его темнее. Его длинные шаги были такими же сильными и отточенными, как у его хозяина. Кобылица Оливии с трудом поспевала.

Они двигались по лесной тропе, срезали под деревьями и огибали выступы в уверенном темпе Гаррона, пока не добрались до деревушки, названной Бережок.

- Вечер добрый, мистер Хитрый! – крикнул один из стражей, когда они вошли.

Гаррон рассеянно кивнул в его сторону, сжав губы. Оливия знала, что он не любил, когда его так называли. Они замедлились до шага, пока двигались по узким улочкам Бережка. Крохотные домики на полянке были из посеревшего дерева и ржавых гвоздей. За ними открывалось большое озеро.

Дождь закончился, и облака захватили вечернее небо. Они разделялись над озером, и угасающий свет солнца окрасил его в красный. Волны на песчаных берегах были меньше, чем в морях, но Оливию все равно успокаивал их ритм.

Они покинули деревушку и пошли по лесу, что обрамлял воду, и Оливия часто поглядывала на танец мягких волн. Озеро успокоено лежало в объятиях леса. Его кожа сияла, пока оно перекатывалось в своей постели. Запах от него был сильнее, чем от моря. Но запах этот, в отличие от морей, был не резким. Он наполнял ее легкие дыханием земли, и этот аромат был простым, как пироги и эль.

Это ей все же нравилось. Было что-то в крупном звере, присмиревшем в хватке леса, что вызвало ее улыбку. Это место было пятном, шрамом от существа, что пробило лес. Но почему-то ей нравилось, что лес хранил такой секрет. Это удивляло.

А Оливия любила сюрпризы.

- Что ты хотел мне показать? – спросила она, их лошади уже несколько минут шли в тишине.

Гаррон отчасти обернулся и ответил:

- Терпение, мадам. Мы почти на месте.

Он повел их от берега к холму. Выпирающая вершина холма была лысой, и вид не закрывали деревья. Небольшой ручей бежал вдоль его задней стороны, и густой покров травы окружал его. Гаррон спрыгнул с жеребца, и большой зверь пошел пить воду. Когда Оливия спешилась, ее лошадь последовала примеру.

- Сюда, – сказал Гаррон и пошел к краю холма.

Оливии пришлось бежать, чтобы поспевать за его шагом, она отчаянно сдерживала восторг. Почему с ним даже такие простые вещи были... интригующими? Может, дело было в его спокойном взгляде, или в том, что он мог даже к поразительным вещам относиться холодно. Она даже не знала, что ожидать от Гаррона.

Он сам был сюрпризом.

Он остановился в конце холма, и Оливия встала рядом с ним. Она проследила за его пальцем, указывающим на землю под ними, где развалины старого дома лежали у водной гряды. Их истерзало солнце, разбил дождь, почти захватили сорняки, но стены еще возвышались. Дом, наверное, был не меньше дома Гаррона, и домики слуг были вокруг него, и каждый был разрушен сильнее предыдущего.

Пристани выпирали ветками из каменистого берега у дома, но тоже были разбитыми. Скелеты рыбачьих лодок торчали из мутной воды. Их бока пробили волны, густой мох рос на их коже.

Это было странно... но Оливии почему-то казалось, что она стоит перед надгробием, словно кости маленькой деревушки теперь лежали у края озера. От этого ее ладони стали кулаками, а кончики пальцев похолодели.

- Что это за место? – прошептала она.

Гаррон сцепил руки за спиной, глядя на развалины.

- Тут жил наш сосед много лет назад. Он был человеком морей, который достиг успеха, поставляя в лесные таверны рыбу. Сильнее всего он процветал зимой, когда мясо заканчивалось в кладовых.

- Торговец рыбой?

- Да.

Оливия смотрела на руины, пытаясь понять, что Гаррон хотел показать ей. Она была уверена, что он хотел научить ее чему-то, он ничего не делал просто так. Но хотя озеро и далекие берега впивались в обрывки ее памяти, она не могла вспомнить ничего о доме.

- Что случилось с торговцем рыбой?

- Скорее всего, добрались бандиты, - сказал Гаррон сквозь сжатые губы.

- Скорее всего? Ты не уверен?

- Нет. Племя бандитов жило там, - он указал на другой берег. – Но у торговца рыбой был талант, связанный со словами. Он не прогонял бандитов, а часто торговал с ними. Я слышал, он даже дарил им долю улова каждую неделю, чтобы их дети не голодали. Отец говорил, что торговец рыбой любил все дикое, что его не интересовала торговля, в которой не было ни капли опасности, что он предпочитал хищность земли лжи людей. Жаль, я не смог узнать его лучше. Но я был ребенком в ночь, когда сгорела деревня торговца рыбой, - тяжко сказал Гаррон, сжимая ладони за спиной. – Несколько стражей смогло добраться до Панвотча, прося о помощи. Отец тут же поехал туда. Я остался дома и помогал слугам ухаживать за жителями деревни. Я помню жену торговца рыбой среди них... она была сильно ранена. Боюсь, к моменту, когда она попала к нам, мы уже ничем не могли ей помочь. Она выла всю ночь. Я этого не забуду, - Гаррон яростно вскинул голову, взгляд стал пронзительнее. – Она кричала из-за новорожденной дочери, которая, по ее словам, точно не выжила в пожаре. Она рыдала, пока не умерла в холоде ночи. Когда отец вернулся, он сказал, что в деревне торговца рыбой ничего не осталось. Я сказал про ребенка, но, хотя его люди искали днями, они не нашли ее... ни живой, ни мертвый.

Когда Гаррон замолчал, Оливия поняла, как громко кричал лес. Маленькие существаожили в ночи, весело стрекотали, пока солнце умирало, наслаждаясь его кровью.

Оливия сосредоточилась на криках. Она смотрела на пятно солнца на озере, чтобы не видеть маленькую деревню.

- Когда я услышал, как ты стала подопечной лорда Бассета, признаю, я удивился. Конечно, нет возможности узнать точно, - согласился Гаррон. – И я не хотел рассказывать тебе. Думал, тебя это только расстроит. Но когда ты рассказала о торговце рыбой, я подумал...

- Кому сейчас принадлежит озеро? – сказала Оливия. Она пыталась не обращать внимания на то, как резко прозвучали слова, но они все еще звенели в ее ушах.

Брови Гаррона приподнялись, пока он обдумывал ее вопрос.

- Торговец рыбой был ребенком морей, у него не осталось наследника, так что закон потребовал вернуть эти земли совету, хотя им было сложно избавиться от бандитов. Они годами истребляли их...

«Тристан».

Оливия улыбнулась, а Яд бушевал, и ее тело немело, а вены трепетали...

- Мне не нравится этот взгляд, мадам, - строго сказал Гаррон.

- Ничего страшного. Уверяю, я управляю собой, - она расправила плечи и вернула маску на место. – Видишь? Это был миг слабости... ты не можешь винить меня в этом.

Гаррон проворчал, что не может, и Оливия повернулась к деревушке.

- Я решила выйти за лорда Бассета.

Гаррон тяжко вздохнул.

- Это будет самое выгодное решение, это точно. Уверен, ты не пожалеешь. И будет приятно не переживать, что твои сапоги снова испачкают мои полы.

- Я тоже буду скучать, - сказала Оливия, ухмыльнувшись от его хмурого вида. Она подошла ближе. – Может, ты мог бы оставить мне что-нибудь на память.

- Нет. Не обсуждается.

- Прошу. Ты не отправишь меня замуж, не позволив последнее... приключение, да? Он нахмурился.

- Отправлю. Кстати о шалостях... тебе лучше наполнять кубок лорда Бассета на свадьбе чаще. Мы знаем, что ты – запятнанный цветок, мадам. Чем меньше он помнит, тем лучше.

Он был, видимо, прав. Он всегда был прав.

Оливия вздохнула, смирившись с тем, что сдастся с Гарроном... пока что. Пока она не разберется с Тристаном. Эта игра будет медленнее, чем ей хотелось. Но, если она выйдет за лорда Бассета, она сможет убедить его привезти ингредиенты из любого места: пустыни, долин или даже Беспощадных гор.

Где-то в Королевстве есть растение или корешок, что ослабят его силы, формула, что подкосит Тристана. Она с радостью потратила бы годы на это, Яд не даст ей успокоиться, пока он не умрет.

Даже теперь Яд стонал в ее груди. Она смотрела на развалины деревни, из нее вырвался смелый вопрос:

- Как звали торговца рыбой?

- Боюсь, я не помню его имя, только фамилию.

- Какой она была?

Гаррон щурился, глядя на мрачные тучи.

- Думаю, Д'Мер.

* * *

Короткий месяц спустя Оливия вернулась на Зеленокровье и тревожно расхаживала в покоях лорда Бассета.

Похоже, она так привыкла носить тунику и штаны, что свадебное платье сдавливало ее. Почти всю церемонию она пыталась вдохнуть, почти весь ужин надеялась, что ребра не треснут в корсете. И теперь ей нужно было ждать, пока лорд Бассет попрощается с гостями.

Через пару мгновений он ворвется и сорвет платье своими медвежьими лапами. Она хотя бы сможет дышать.

Оливия медленно прошла мимо комода, улыбнулась графину на нем. Гаррон подарил его на церемонии вместе с многозначительным взглядом и предложением ей начать брачную ночь с тоста. Она улыбнулась шире, вспомнив, как пыталась не смеяться от его хмурого вида.

Если бы он не был таким благородным, Гаррон легко стал бы злодеем.

Оливия повернулась снова, схватила одну из изящных чашек, что прилагались с графином. Она была серебряной, украшенной золотыми изящными сосновыми. Она провела пальцем по тонкому стволу одной из них и удивилась, когда вдруг вспомнила запахи и звуки леса. Может, из-за того, что она затерялась в неожиданных мыслях, она выпустила чашечку из рук.

Она выругалась, глядя, как чашка укатывается под кровать, выругалась снова, когда удушающий корсет помешал ей опуститься плавно, а заставил рухнуть на колени.

Чашка была на расстоянии руки под кроватью. Она рылась там вслепую, пытаясь найти прохладное серебро. А вместо этого задела то, что зашуршало.

Конверт. Оливия вытащила его и рассмотрела. Конверт не был запечатан, только заправлен, чтобы не открылся. Спереди ничего не было написано... но внутри точно что-то было.

Она быстро развернула край конверта, не зная, что найдет внутри. Как только она увидела, что на дне конверта, она поняла, что догадки не оправдались... ведь это она точно не ожидала.

Немного изогнутых корешков, меньше горсти, но все равно убийственное количество. Они были коричнево-черными и тонкими. Она знала, что это было, раньше, чем ощутила едкий запах. Корешки нароста. Ее корешки, которые пропали почти год назад.

Что они забыли под кроватью лорда Бассета? Как они могли тут оказаться...?

Ее ладони застыли на конверте. Улыбка невольно растянула ее губы, и у улыбки были острые края. Она не понимала, как леди Бассет могла так внезапно заболеть. Не понимала, почему ее травы не исцеляли ее. Они вылечили бы от любого кашля или простуды. Но леди Бассет не была больна...

Ее травили.

Корешки росли в темном влажном месте, хранили в себе споры. Если их было много, споры взрывались, забираясь еще глубже. Это произошло с Эдвардсом.

Но если кого-то кормили ими понемногу... многие споры не прожили бы долго. Они погибли бы быстро без воздуха. Но если какие-то смогли бы добраться до легких... там им воздуха хватило бы.

Они росли медленно, были хрупкими. Им нужны были свежие споры, чтобы крепче впиваться во внутренности легких... по маленькой дозе за раз. Тело пыталось, конечно, избавиться от них. Отбивалось кашлем и чиханием, лихорадкой...

Но оно проиграло бы.

Оливия рассмеялась. Теперь она понимала, почему лорд Бассет был таким внимательным, почему сам приносил леди Бассет чай.

Яд восстал, пугая и разжигая ее душу. Оливия схватила серебряную чашку из-под кровати и вернула к графину. Корешки легко рассыпались под дном чашки на поверхности комода. Ее ладони дрожали. Яд добрался до ее груди, и ее голова стала легкой.

Когда корешки стали пылью, она насыпала их в горлышко графина. Ее дыхание участилось, она закупорила его и смотрела, как темный напиток растворяет корешки. Пот собрался на ее шее, когда она налила две чашки.

Как только она налила их, стало слышно шаги лорда Бассета.

Он толкнул дверь, открыл ее с грохотом. Его глаза были налиты кровью от выпивки, Гаррон предлагал новый тост каждые пару минут за ужином, и Оливия пополняла кубок лорда Бассета.

Но хотя он был пьян, его голод ярко сиял на лице. Он впился в ее тело взглядом, уже терзая корсет. Его медвежьи ладони сжались когтями по бокам, он пошел к ней.

- Наконец-то, - выдохнул он. Лорд отшатнулся, добравшись до нее, и неловко схватился за ее горло. Она склонилась, и он зарычал снова, прижимая пальцы к ее шее. – Так долго... я ждал так долго. Теперь ты меня никогда не покинешь.

- Я рада остаться, - сказала она, с трудом удерживая маску на месте, скрывая дрожь руки, когда протянула серебряную чашку. – Я надеялась, что мы начнем нашу ночь с тоста.

- Что угодно, - простонал он и забрал у нее чашку. – Что угодно ради тебя, любовь моя.

Оливия смотрела, как он глотает ликер. Ручейки текли из уголков его рта, пятнали воротник красным, но он выпил достаточно. Более чем достаточно.

Она опустила свою чашку на комод и отвернула голову, а лорд Бассет обхватил ее талию. Его дыхание воняло алкоголем. Его губы неловко двигались по ее горлу. О, как ее сердце буйствовало и кричало в груди, как было больно от каждого его вздоха... пока его дыхание слабело.

- Так долго, - стонал он, притягивая ее ближе. – Так... я ждал... так...

Его ладони отпустили ее талию, колени ударились об пол. Его глаза, казалось, выпадут из глазниц, медвежьи ладони беспомощно терзали горло. Он потянулся к ней, но Оливия отпрянула.

Она прислонилась к столбику кровати и смотрела, как его лицо багровеет, а глаза становятся все больше.

- Стоило убивать тебя медленно, - отметила она, пока вены набухали на его шее. – Стоило убить тебя так же, как ты ее... ты должен был страдать. Но волнение пересилило меня. Я поспешила... как всегда. Наверное, потом я пожалею, что не смаковала твою смерть. Но пока что я довольна. А ты добрался до моих ядов. Как давно ты знал? – она сжала губы, когда багровость стала синевой, и его конечности задрожали. – Думаю, тебя уже поздно спрашивать... видишь? Потому и нужно было сделать это медленно, - она вздохнула, когда его конечности застыли. – У тебя осталось пару мгновений, так что я скажу основное: мне никогда не было до тебя дела, Бассет. Но я думала, что ты был приличным мужчиной. Порой я даже верила, что ты лучше многих других мужчин. По крайней мере, в сфере любви. Но ты захотел убить свою жену ради меня... - она перевела взгляд с лорда Бассета на графин, резко улыбнулась. – Оказалось, я ошибалась... любовь – куда более опасный яд, чем я представляла.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Слишком добрая судьба

- Одна ночь... Ты и ночи не продержалась! – шипел Гаррон рядом с ней.

Оливия была благодарна, что черная вуаль скрывала ее улыбку: ярость Гаррона стала бы еще сильнее от этого.

Хотя корешков не хватило, чтобы горло лорда Бассета взорвалось, они не дали ему дышать. Целители посчитали, что возраст и жир привели к остановке сердца. Свадебные декорации убрали, и большая столовая поместья Зеленокрови была в черном. Стулья и столы отодвинули, чтобы освободить место для почти бесконечной процессии людей моря, что пришли выразитьуважение к лорду Бассету.

- Я подумала, что удобнее сделать это, пока все еще здесь, нам не нужно ждать, пока все эти лорды и дамы вернуться в Зеленокровь, - пробормотала Оливия.

Торговец остановился, чтобы выразить соболезнования, и Оливия склонила голову в благодарном поклоне. Гаррон держал ее за руку. Людям вокруг них казалось, наверное, что он поддерживает ее, но его пальцы были сжаты слишком сильно.

- Я все еще тебе не верю, - прошипел он, когда они остались одни.

Обвинение в его голосе раздражало сильнее давления его руки.

- Гаррон, я бываю разной. В твоем праве называть меня убийцей, простолюдинкой, соблазнительницей. Но меня нельзя обвинять во лжи. Советдвигается слишком медленно, – прошептала она, опустив ладонь на руку Гаррона. – Если бы я не сделала ход, Бассета могли бы и не наказать.

Она провела большим пальцем по шрамам на его костяшках, его хватка медленно ослабла.

- Но... я все еще не одобряю.

- Я этого от тебя и не ждала.

Он притих, подошла еще колонна скорбящих. Оливия смотрела, как он хмурится.

- Может, это было добрым поступком, - прошептал он, когда они ушли. – Пока люди Бассета думают, что он умер от остановки сердца, он будет покоиться с почти не испачканным именем.

Оливия не подумала об этом. Она хотела ударить себя. Почему она не потерпела?

- Он даже этого не заслужил, - прорычала она.

- Да... потому что зовется милосердием, - сказал Гаррон.

Его губы дрогнули в крохотной улыбке.

* * *

Когда все скорбящие ушли, Гаррон настоял, что не может больше оставаться на острове.

- Корабль без штурвала заплутает, как и мои люди, - добавил он, вздохнув. А потом вытащил баночку из кармана. – Вот. Горацио попросил взять. Он уже перестал составлять чай из сорняка мертвеца, но у него есть целый список отвратительных рецептов. И, раз только тебе он понравился, он отдал последнюю баночку.

Оливия приоткрыла баночку, улыбнулась, увидев высущенное кроваво-красное содержимое пакетиков внутри.

- Я скучала по сорняку мертвеца.

- Я знаю, мадам, - пробормотал Гаррон, качая головой. – И я перестал пытаться понять, почему.

- Может, когда-нибудь я тебе объясню.

Он убрал ее ладонь от своего воротника и хмуро сказал:

- Попытайся вести себя прилично, ладно?

Оливия ждала, пока он уйдет за дверь, а потом пошла наверх, скалясь из-за своей судьбы.

Бассеты умерли, и хозяйство попало в ее руки. Тристан это так не оставит, он захочет у власти того, кем может управлять. И если Оливия не хотела быть повешенной на глазах у совета, она будет делать, как он скажет.

Не меньше трех слуг остановили ее по пути, и у каждого был список вопросов, куда и что отнести или кого куда назначить. С их языков слетало столько мелких тревог, что Оливия засомневалась, что Зеленокровь выстоит без нее.

- Спрашивайте Карлтона, он скажет все, что вы хотите знать, - рявкнула Оливия.

Спешные шаги остановились за ней. Один из слуг охнул:

- К-конюха, миледи?

- Да, - сказала Оливия, ухмыляясь, когда ощутила, как воздух застыл за ней. – Да, Карлтон был тут достаточно долго, чтобы понять, чего я ото всех жду. Все вопросы к нему. Пусть знает, что он за это отвечает, - бросила она через плечо и направилась к третьему этажу. – И скажите ему, что я расстроюсь, если он подведет меня.

Она оставила слуг с их возмущенным лепетом с улыбкой на губах. Конюх во главе острова? Это сделал бы Гаррон. Карлтон был простоват, но это было его хорошим качеством.

Закрыв дверь комнаты, Оливия ощущала облегчение: слабый дождь стучал по подоконнику открытого окна, огонь яростно трещал в камине. Впервые с принятия предложения лорда Бассета она осталась в приятном одиночестве.

Служанки сморшили носы, когда Оливия попросила повесить чайник над огнем, но сделали, как им сказали. Кипящая вода лилась на чайные листья, становясь черной, как стебель сорняка мертвца. Слабый аромат доносился от чашки, такой тонкий, что его можно было скорее ощутить, чем учуять. И запах пробирался в голову Оливии, успокаивал потоки ее крови.

Она вспоминала вечера в Сосновой страже: шорох пера Гаррона, скрип деревьев за дверью, часы перед камином за уроками сражений, а потом боль в мышцах.

Она добавила в чашку молока, и напиток стал лавандового цвета. Это ей нравилось. Нечто настолько черное таило в себе удивительный цвет. Нужно было лишь немного белого, чтобы это увидеть, немного мягкого...

Может, на это Гаррон и надеялся все время. Он, похоже, был уверен, что в ней есть какой-то цвет, и он хотел увидеть его. Но Оливия была не сама по себе.

Она принадлежала Яду.

С полной чашкой она повернулась к камину. Она повесила чайник за полминуты, за три вдоха. Но, когда Оливия обернулась, она уже не была одна.

За ее столом сидел Тристан.

Он, видимо, вошел через окно: его волосы были влажными, с них капало, а черный плащ потемнел от дождя. Он расслабился, закинув ногу на ногу в кресле с высокой спинкой.

- Я думал, убедить тебя убрать Бассета будет сложно... но ты справилась сама.

- По своим причинам, - прорычала Оливия. Она осторожно скользнула одной ногой назад. Железная кочерга была у стены в зоне досягаемости. Если он дернется к ней, она подожмет его.

Она не позволит больше бить себя.

Но Тристан не двигался. Он смотрел на ее чашку чая с живым, но темным весельем.

- Признаю, я даже полюбил этот маленький остров. Заливы тут полны рыбы, деревья тяжелы от фруктов, а напитки Бассета из них сладкие и пьянящие. Я всегда думал, что обидно, что он делает их для себя. Теперь их попробует все Королевство. Ты убедительно сыграла горюющую невесту, должен отметить, - длинные пальцы Тристана обвили серебряную ложку, что была рядом с чашкой. – Я сам чуть не расплакался от вида.

Они оба знали, что Тристан никогда не проливал и слезинки. Вряд ли он даже мог.

- Теперь Бассет мертв. Ты получил, что хотел. Если не против, я хотела бы расслабиться денек перед тем, как ты снова пошлешь меня убивать.

- Больше убийств не будет, - Тристан позякивал ложечкой по чашке, помешивая лавандовый напиток. – Ты останешься здесь и будешь управлять Зеленокровью для меня. Ты будешь наполнять мои корабли ликерами. Война назревает в Королевстве... и я думаю, что люди будут охотнее пить, чтобы забыть о бедах. Мы обернем дух в валюту. Мы сделаем печали золотом. Ты будешь моим главным рудокопом, Оливия. О, я могу попросить добавить в пару бутылок что-нибудь, но больше тебе знать не нужно, - тихо сказал он и посмотрел ей в глаза. – Я использую Зеленокровь и твои очаровательные яды, чтобы управлять войной. Я сделаю так, что победит тот, кто этого заслуживает.

Оливия не знала о войне в Королевстве, ей было все равно. Ее кулаки сжались, губы скривились в оскале из-за другого:

- Ты хочешь запереть меня здесь? Оставить на этом осточертевшем острове?

Тристан перестал помешивать.

- Да. Боюсь, ты стала ненадежна.

- Как так?

- Я видел тебя сегодня с Хитрым... видел, как ты позволяла ему стоять близко, хотя обычно держишь мужчин на расстоянии. И ты очень много времени провела в лесу. Ты размякла, как часто бывает с женщинами. Понимаю, это не твоя вина. Мягкость – недостаток твоего пола. Было глупо думать, что ты другая.

Он взял чай большой ладонью и поднес к губам. Он пил, глядя поверх чашки, как закипает Оливия.

- Я не буду этого делать. Я не попадусь. Ты не можешь...

- Я могу, - пробормотал он, сделал еще глоток и скривился от вкуса, но упрямо держал чашку в руке. – Я могу, кхм, делать все, что хочу.

Нечто, похожее на кровь, окнуло язык Оливии. Она повернулась к очагу, посмотрела на огонь, впиваясь ногтями в кожу. Они пронзили плоть, и тонкая теплая струйка потекла по ее руке. Но даже боли не хватало.

Она ощущала, как что-то ужасное давит ей на глаза изнутри, бурлит под кожей. Это топило Яд. Это делало ее уязвимой и беспомощной, как в последний день, когда она осмелилась плакать... когда Тристан убил ее мать.

Слезы сотрут ее и заставят начать заново. Она столкнется с их волной с телом из песка. Она не знала, что за новое существо поднимется из глубин...

Но она боялась, что оно будет ужаснее предыдущего.

- О, есть и третий вариант, - пробормотал Тристан, поднимаясь на ноги. – Я могу схватить тебя за волосы и выбросить из окна этой комнаты. И все подумают, что ты прыгнула, ты ведь так убедительно лила слезы сегодня, они и не подумают сомневаться, что ты не поддалась печали. Может, это даже...

Оливия обернулась при упоминании, что он выкинет ее из окна. Она схватила железную кочергу и подготовилась отбиваться. Но Тристан почему-то не подходил.

Он застыл у стула, глядя мимо нее, приоткрыв рот. Под его глазами пролегли тени. Может, потому что его кожа побледнела.

Его язык скользнул по губам, а потом он выпрямился.

- Но сегодня я удивительно щедрый, так что позволю тебе жить, если ты не будешь мне перечить.

Она не была уверена, но ей показалось, что подбородок Тристана дрожал, пока он поворачивался к открытому окну. Он мгновение смотрел туда, скалясь. А потом вдруг пошел к двери.

- С дороги, девчонка, - рявкнул он, отодвинул ее и уже ступал на неровный участок из камня. Он споткнулся...

Этого Тристан никогда не делал.

- Прошу! Не... ай!

Но Оливия не прекращалась. Она беспощадно избивал его, ударяя кочергой по его поднятой руке, но запястью, а потом и по голове. Он упал на землю и мог лишь стонать,

когда кочерга ударила его по ребрам. Оливия раздавила ногой его нос, хоть и ушибла при этом палец.

Это того стоило.

- Прошу... прошу! – с трудом выдавливал он.

Дыхание Оливии шумело в легких. Выло в ней и вырывалось из груди, она прижала кочергу к пульсирующей вене на горле Тристана...

Нет.

Нет, смерть была слишком доброй судьбой для Тристана. Он лишил ее всего, пытал ее все эти годы, держал под каблуком. Если она убьет его сейчас, трепет в ее венах зашипит и угаснет. Но если она позволит ему жить, страдать... о, Яд будет радоваться годами. Она будет держать его под каблуком. И он ей за все заплатит.

Она из последних сил убрала кочергу, лишая себя удовольствия ощущать, как он корчится на грани смерти. Ее ноги дрожали, она прошла к креслу. Она улыбалась, пока садилась.

Тристан лежал в луже на полу. Кровь окружала его голову, он скулил, пытаясь поднять ушибленную руку. Она могла поклясться, что видела агонию в его глазах, когда легкие раздувались рядом с разбитыми ребрами.

Она наблюдала за ним мгновение, радовалась объятиям Яда, улыбаясь из-за осознания, что Гаррон ошибся.

Сорняк мертвеца был ядовитым.

Чай по-особенному действовал на Тристана. Ее резкий напиток успокаивал, не позволял тревожиться, расслаблял мышцы. Но пока человек радовался успокоению разума, шептун зависел от разума, так что силы чая... подавляли его.

- Что ты... сделаешь... со мной? – простонал Тристан, едва дыша.

Она могла погрузиться в Яд, в глубину темных желаний, но, если она хотела страдания Тристана, ей нужно было думать как Гаррон.

- Я позволю тебе жить, - тихо сказала она. – Я даже не лишу тебя твоего кабинета. Но ты должен понять одно. Это очень важно. Теперь ты работаешь на меня, канцлер. И слушаешься меня.

Он оскалился.

- Если я... откажусь?

- Я убью тебя. Если пойдешь к совету, то я раскрою, какая ты крыса, и они убьют тебя. Гаррон записывает все для меня, и обвинения эти очень подробны.

- Гаррон...?

- Да, мы с Гарроном давно работаем вместе. Боюсь, он сделал мне предложение лучше. Он знает формулу, как и я, - добавила она, заметив, как план формируется за пленкой боли в глазах Тристана. – Если убьешь меня, он покончит с тобой. Если попытаешься убить его... надейся, что Смерть найдет тебя раньше меня.

Это было чудовищной ложью: она была уверена, что Гаррон не знает об истинной силе сорняка мертвеца, и она не думала, что он следил за ее убийствами, хотя он запоминал все, так что это было возможно.

Но Тристан этого не знал. Он знал лишь боль, вкус своей крови и улыбку на губах Оливии. Больше ему знать и не нужно.

- Мы договорились, канцлер?

Он неразборчиво стонал, кровь покрывала его лицо.

Оливия встала.

- Да! – выдохнул он, глаза расширились при виде кочерги. – Да, мы договорились!

- Хорошо.

Оливия пошла к двери, смеясь, когда Тристан разрыдался. Без щита из силы шептуна он остался пресмыкающимся трусом, каким она всегда его знала.

В конце коридора была стражка. Оливия махнула им:

- Позовите Карлтона. Скажите ему готовить телегу и принести самый большой мешок для еды. Мне нужно немедленно кое-что доставить в замок канцлера.

Она слушала звяканье брони стражи, он поспешил по лестнице, а ее сердце колотилось от трепета из-за того, что она только что сделала. А потом она вытащила из-за воротника кинжал, уже смазанным парализующим ядом.

Она хотела увидеть, будет ли сопротивляться Тристан без сил его разума.

- Олив... Оливия, - простонал Тристан за ней. Его лицо стало цвета снега, он смог перекатиться на спину и выдавил сквозь кровь. – Что было в... гах! В... чае?

- Не скажу, - прошептала она и прошла к нему. Она присела, чтобы дотянуться до него, схватила его за волосы, оттягивая голову, чтобы он смотрел ей в глаза, пока она тихо говорила. – И с этих пор ты будешь звать меня по имени, что украл у меня. Ты будешь звать меня Д'Мер.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Взятое имя

Близилась середина ночи. Оливия прислонялась к широкому дубу и слушала, как шепчет листва над ней. Снег только растаял в Великом лесу, но воздух еще был прохладным, делал четче звуки и запахи леса, оживлял их. Она вдыхала воздух, и спокойные ароматы успокаивали Яд.

Свет покачивался на дорожке. Он бросал на листья и ветви желто-оранжевое сияние. Свет неуверенно приближался к ней. За ним раскачивался мужчина, напевая под нос песню из таверны.

Оливия не двигалась, пока свет приближался. Ей не нужно было. Когда налитые кровью глаза мужчины посмотрели на нее, он упал на колени.

- Ладно, прости... прости! Я не хотел!

- Поздно извиняться, Фостер. Боюсь, канцлер сильно оскорблен.

- Но я был не в себе, обзываю его! Клянусь! Я... выпивал! Прошу, - скулил Фостер, бросив фонарь на землю, чтобы сцепить ладони перед собой. – Прошу, не передавай ему слова старого пьяницы, ладно?

- Мои поступки – не твое дело. Меня прислали сюда наказать тебя.

- Нет, - простонал он. – Ты должна понимать, что я не знал, я не верил ему, когда он сказал, что пошлет призрака против меня. Как я мог ожидать... Нет, стой!

Но Оливия не остановилась. Она прошла три шага к свету, улыбаясь под маской, а Фостер скулил.

- Тридцать! Я дам ему тридцать процентов!

Она вытащила кинжал из-за пояса, намеренно задевая краем лезвия ножны.

- Сорок, Судьбы ради! Сорок, он почти присвоит меня!

Оливия убрала кинжал и вытащила из складок плаща пергамент.

- Ты подпишешь это соглашение и доставишь в Харборвилль к концу недели. А они отнесут его канцлеру.

- Но до Харборвиля неделя езды...

- Тогда спеши. Если не успеешь вовремя, я вернусь... и я буду злой, - Оливия бросила пергамент к его ногам и смотрела, как Фостер запихивает его в карман. Она ушла от света и пропала во тьме леса.

Фостер звал ее. Хотел узнать имя, хотел узнать, откуда ей было известно, что он будет в таверне. Но она не ответила. Она никогда не отвечала. Она хотела, чтобы люди знали как можно меньше о новом агенте канцлера.

Оливия лучше будет призраком, чем с именем, так страх жертв заставит их молчать.

Тристан был прав: назревала война. Она все время слышала, как Банагер не может договориться с шептунами. Он многих прогнал из Средин, некоторые хотели восстать, и с каждым днем их становилось все больше. И хотя люди морей не любили сражаться, Оливия была уверена, что они готовились.

Деревня Фостера была в ответе за поставку армии совета лук и стрел. Из-за грядущей войны оружие будет придерживаться и продаваться дороже, так что она потратила время, чтобы перебираться по лесу и морям от поместья к поместью, чтобы укрепить хватку совета на всем от брони до торговцев рыбой.

Если Королевство охватит война с шептунами, им потребуется каждый меч и крошка, которые можно собрать.

И этого все равно не хватит.

Она разобралась с Фостером и хотела увидеть еще одного торговца. Корабль ждал в Оуклофте, чтобы вернуть ее в Зеленокровь, но она повернула на север.

Ее кобылица бежала мили по знакомой тропе, огибала большие деревья, и тьма ночи сменилась бледным рассветом. Сосновая стража только начинала просыпаться, первые струйки дыма поднимались из труб, первые солнечные жители выходили из домов по делам.

Некоторые кивали ей, пока она проходила, улыбались знакомому виду всадника в маске, часто остающегося у Гаррона.

Она оставила лошадь в конюшне, конюхи дали ей воды и овса. Оливия пошла в дом.

Она была в нескольких ярдах от двери, когда дверь распахнулась. После всего, что она узнала о нем, она не была удивлена, что Гаррон ответил сам. Он, наверное, увидел ее из окна кабинета.

- Я слышал, что призрак Д'Мер существует в лесу, угрожая лордам и торговцам. Ты об этом ничего не знаешь?

- О, Гаррон, ты же знаешь, что я не слежу за слухами, - ухмыльнулась Оливия.

Его рубашка была не заправлена и смята. Его ноги были босыми, пояс сидел на нем криво. Она знала, что он, похоже, не спал всю ночь, а пробыл в кабинете, хоть он бы и не в очках, и она знала, что это не цифры его беспокоят.

- Полагаю, ты только вернулась в поручения канцлера? – сказал он, пока она приближалась.

- Да. В этот раз это был Фостер, - ответила Оливия.

Она решила не говорить Гаррону о своей свободе. Все моря верили, что Тристан все еще правил, и этому лучше было продолжаться. И, если бы Гаррон узнал правду, он отругал бы ее за то, что она продолжала со своими... переговорами.

Он окинул ее взглядом.

- И ты прибыла, потому что хочешь укрыться, пока не залечишь раны?

- Нет. Я не ранена, - она сняла капюшон и маску. – Видишь?

Рот Гаррона приоткрылся, впервые он выглядел значительно удивленным.

- Тогда ты в беде? В опасности? Тебя преследуют?

- Нет... все в порядке.

- Тогда зачем ты здесь, мадам?

Она не была уверена.

- Думаю, причины нет. Я надеялась, что мы сможем поговорить, - Оливия остановилась на расстоянии вытянутой руки от него, невольно улыбнулась от неожиданного смятения в его голубых глазах. – Ты меня не впустишь?

Мгновение казалось, что он откажется: он хмурился. А потом вдруг обнял ее.

Это было странно, но его губы, прижавшиеся к ее губам, были не такими строгими, как она ожидала. Они двигались нежно и терпеливо. Яд должен был восстать, побежать по ее венам, заставить ее действовать грубее, довести Гаррона до предела и слушать его стоньи.

Но вместо жжения ее кровь стала... теплой. Это смягчало ее. Она терпеливо двигалась с Гарроном, успокоенная до кончиков пальцев.

Мир стал размытым вокруг нее. Она едва слышала скрип ступенек, она так сосредоточилась на давлении рук Гаррона, пока он нес ее вверх. Грубость его туники сменилась нежностью его кожи... его ладони направляли тепло ее плоти в душу...

И, казалось, прошло лишь мгновение, и Оливия лежала, прижав голову к груди Гаррона, слушая уверенное биение его сердца, наконец, касаясь пальцами волосков на его груди.

Пот покрывал ее шею. Она закрыла глаза от щекотки, расслабляясь. Ее дыхание было глубоким, она дышала одновременно с Гарроном. Его рука обвивала ее плечи, прижимая ее к нему. Если бы не его сила, она бы растаяла и выплеснулась на пол.

Слабость... от этого ее руки стали вялыми. Но такая слабость была странной. Она не привыкла к такому, это была не беспомощность, которую она ощущала под сапогами Тристана. Это было не раздражение от того, как Гаррон сбивал ее на пол на тренировках, не потрясение от удара кого-то сильного.

Нет, эта слабость отличалась. Это ощущение покрывало ее, но не говорило о том, как она слаба, а убеждало в том, что ей не нужно быть такой сильной... что хотя бы раз в жизни она может лежать и знать, что она в безопасности.

- Я бы сделал тебе предложение, но ты вряд ли принесешь добро.

- Это точно, - согласилась она. – Даже если бы я не принадлежала Тристану, я все равно отказалась бы.

Он рассмеялся, губы задели ее лоб.

- Хорошо. Тогда мне придется быть твоим любовником... ах, надеюсь, ты не убиваешь своих любовников?

Оливия фыркнула.

- Не глупи. А если я захочу одного из них снова, но уже перерезала ему горло?

Гаррон выпятил подбородок и посмотрел на потолок.

- Это хорошо звучит, мадам.

- Спасибо.

Они какое-то время молчали. Оливия не двигалась, наслаждалась нежным течением крови Гаррона, успокоенная своей слабостью.

- Что заставило тебя передумать? – прошептала она через миг, снова закрыв глаза. Она улыбнулась от гула в его груди, когда он ответил:

- Время. Осознание, что ты проехала столько миль не из надобности, а просто из желания поговорить со мной. А время, дорогая моя, наша самая ценная собственность, - его большой палец нежно скользил по ее руке. – Это подношение заслуживает внимания.

Он притих на миг, а потом тяжко вздохнул.

- Нет, дело не только в этом, все куда больше, чем я мог бы представить. Я считаю, что, пока лежу здесь, я у тебя в огромном долгу.

В этот раз Гаррон ошибался.

Оливия всегда будет принадлежать Яду. Но пока что он был глубоко. В эти мгновения она дышала в объятиях Гаррона и ощущала их как удивительный подарок.

Любовь была ядом, но с Гарроном она ощущалась как бальзам. Оливия ощущала себя дома в этот миг, такого не было давно... и она сомневалась, что ощутит это снова.

Она подняла голову, чтобы видеть его глаза, прижала большой палец к его подбородку и твердо сказала:

- Ты не в долгу предо мной, Гаррон. Продолжай исцелять меня... и ты никогда не будешь предо мной в долгу.